

INSPIRIA

ЛЕТО В ПРОВАНСЕ

*Роман, вдохновляющий
на перемены*

 INSPIRIA

Novel. Серьезная любовь

Люси Колман

Лето в Провансе

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Колман Л.

Лето в Провансе / Л. Колман — «Эксмо», 2020 — (Novel.
Серьезная любовь)

ISBN 978-5-04-176532-3

Роман, вдохновляющий на перемены. Ферн и Эйден женаты семь лет, но их брак уже скорее напоминает дружбу, чем союз двух любящих сердец. Ферн отчаянно хочет наладить их отношения, а вот у Эйдена свои планы на жизнь. Неожиданно пара выигрывает миллион фунтов. Ферн и Эйден понимают, что это счастливый лотерейный билет в новую жизнь. Они договариваются взять паузу: Эйден уезжает исследовать Австралию, о которой грезил всю жизнь, а Ферн отправляется в Прованс. Им предстоит провести целый год вдали друг от друга и проверить свои чувства на прочность. «Медитативные, прекрасные и вдохновляющие истории Люси Колман – идеальное тонизирующее средство, когда жизнь становится немного серой». Холли Мартин

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-176532-3

© Колман Л., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Апрель 2018 г. Страуд, Глостершир	6
1. Дует ветер перемен	6
2. Разве не все мечтают о выигрыше?	9
3. Вечеринка	15
Июль 2018 г. Буа-Сен-Вернон, Прованс	20
4. На новом месте	20
5. Нахожу свой путь	26
6. Принятие	31
7. Татуировка дракона	35
8. День открытий	39
9. Чужая душа – потемки	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Люси Колман

Лето в Провансе

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Лоренсу

Даже после всех проведенных лет вместе каждый день своей жизни я выбираю тебя. Это ты убедил меня, что пора бросить основную работу и просто начать писать. Я так и сделала. Всякий раз, когда моя вера в себя ослабевала, ты был рядом, чтобы меня поддержать. А когда приходило время торжествовать, ты увозил меня и заставлял почувствовать себя на миллион долларов. Люблю тебя во веки веков.

Апрель 2018 г. Страуд, Глостершир

1. Дует ветер перемен

Благословение это или проклятие – родиться с внутренним голосом... что говорит без усталости, наполняя тебя ощущением смущенного ожидания?

Делу не помогает бушующая весь день головная боль. Час назад к ней добавился тик в правом глазу – теперь уже перешедший в постоянный. То, что грядет, назревает неумолимо, мучительно, от этого у меня вдобавок крутит живот.

Когда наступает наконец прозрение, все мои инстинкты кричат, что теперь все изменится. Любая мелочь, принимаемая мной за само собой разумеющуюся, окажется под ударом.

Перемена может быть пьянящей, но я все равно чувствую наваливающиеся на меня тяжесть и страх перед тем, что грядет.

* * *

Телефон на столе вибрирует и подпрыгивает. Я тоже подпрыгиваю. Последние двадцать минут я заставляю себя читать заключительную страницу отчета, но слова расплываются. Отвечать на звонок не хочется, потому что вся моя воля ушла на неподвижное сидение и чтение, так что даже простой разговор был бы сейчас превыше моих сил. Надеюсь, это подождет. Босс звонить так поздно не стал бы. Озираясь по сторонам, я убеждаюсь, что все остальные уже разошлись по домам.

Я отдергиваю руку, уже потянувшуюся к телефону, и просто проверяю, от кого звонок. Это моя сестра Ханна. Меня тут же охватывает паника, во рту пересыхает. Я хватаю телефон и прижимаю его к уху. В последнее время она вся в тревоге, переживает один эмоциональный кризис за другим. Наверное, это гормональное.

Я отвечаю сбивчиво и хрипло, не узнавая собственный голос:

– В чем дело, Ханна? – Я откашливаюсь. – Все хорошо?

Сердце у меня бьется нарочито медленно, как механизм, требующий отладки. Знаю, надо было прекратить работу уже час назад, уйти домой, там нырнуть под одеяло и забыться.

– Не могу поверить, что ты еще на работе, Ферн. Знаешь, который час?

Боль немного отступает от теплого звучания ее голоса, свидетельствующего, что она в порядке.

– Я скоро пойду.

Я закрываю глаза, борясь с приступом тошноты, сопровождающей новую волну недомогания; теперь у меня ноют даже зубы. Я расправляю плечи, чтобы разгрузить шею, но толку от этого ноль.

– Я тут с Эйденем. Срочно езжай домой! Пока мы тебя ждали, я проверила лотерейный билет на двери холодильника.

Я слышу другие голоса, мешающие осознать ее слова.

– Билет? Что еще за билет?

Ах да, в пятницу мне навязали в супермаркете билет. Сегодня понедельник... нет, вторник... Дни проносятся у меня в голове без малейшей связи.

– Ну?! – Она смеется, я слышу, как она воодушевлена, и морщусь.

– В каком смысле? – В голове так мучительно пульсирует, что я чувствую: или таблетка от мигрени, или обморок.

– Ферн, ты что там, уснула? Ты угадала только один номер, но все равно выиграла!

В животе резь, от боли я наклоняюсь вперед и ударяюсь лбом об стол.

– Шикарно. Скажи Эйдену, что я скоро буду дома, честно.

Она положила трубку.

Почему Ханна дома, а не в университете? Потом я вспоминаю про пасхальные каникулы. Тем лучше. Теперь главное – добраться до дома, не развалившись по пути.

* * *

– Ужасный вид, Ферн. Опять твоя мигрень?

Я киваю, опускаю сумку на пол и с облегчением падаю в одно из кресел. Обстановка вокруг такая, словно здесь только что кончилась вечеринка: пустые рюмки, две открытые бутылки «Просекко», пакетики с чипсами.

Эйден смотрит на меня и вежливо предлагает чаю.

– Да, пожалуйста, – соглашаюсь я.

Я справилась с болью, но во всем теле тяжесть, нижняя челюсть, шея и плечи ноют, как после побоев или после столкновения с фонарным столбом. Прошла резь в животе – и на том спасибо.

– Где Ханна?

– Убежала на встречу с соседкой, ты забыла? Ваши родители привезли пальто, которое ты у них оставила после воскресного обеда, и предложили ее подвезти.

Ах да...

– А следы попойки? – Я указываю подбородком на беспорядок, который начинает прибирать Эйден.

– Заглянула наша соседка, Джорджия, она увидела рядом с домом машину ваших родителей. Ханна как раз проверила по телефону результаты лотереи, и ей не терпелось поделиться новостью. Она вызвала Стива, Джорджия решила остаться выпить с нами. Получился маленький праздник. Я надеялся, что ты вот-вот к нам присоединишься. – Он ставит на стол передо мной чашку с чаем. – Прости за сегодняшнее утро. – Он произнес это так небрежно, будто ничего не произошло. Но я знаю, он чувствует себя виноватым, недаром не смотрит мне в глаза.

Думает, я специально задержалась? За семь лет брака мы еще ни разу не ссорились за завтраком. Мы вообще редко ссоримся. Но с недавних пор... Во мне крепнет чувство, что я его совсем не знаю.

– Должно быть, ты очень плохо себя чувствуешь, если даже новость о пополнении твоего банковского счета на миллион фунтов не заставила тебя улыбнуться. Тебе весь день худо? – Он участливо морщит лоб, заставляя мое сердце биться чаще. Я люблю каждую клеточку этой выразительной физиономии, включая серебристо-белый шрам на лбу – память о буйном детстве, когда он всех сводил с ума своими проделками (так мне рассказывали). Люблю эти светлогризовые глаза и коротко подстриженные каштановые волосы, которые он не отваживается отращивать из-за их своеволия. Долю секунды я вижу не двадцатидевятилетнего мужчину, а того Эйдена, каким он был при нашем знакомстве, – семнадцатилетнего юношу, уже мнившего себя мужчиной. В те времена у него на груди было не больше двух волосков, не то что теперь, когда ему, на мой вкус, не помешала бы эпиляция. Не знаю, угадывает ли он мои мысли, – судя по улыбке, не исключено.

– То так, то сяк, – отвечаю я.

– Позвонила бы. Не люблю, когда ты за рулем в таком состоянии.

– В каком таком? – Я хмуро кошусь на него. Вдумываться в его слова – и то тяжкий труд.

Выражение озабоченности на его лице будит у меня воспоминание о сегодняшнем утре. Он был явно не в духе, метался из угла в угол, у меня было впечатление, что ему не терпится

меня выпроводить. По неведомой причине его раздражало мое присутствие. Я спросила его, в чем дело, – только и всего.

– Ты еще спрашиваешь! Ты не всегда способна здраво рассуждать. Помнишь, как ты ударила машину об угол, заезжая в гараж?

Да, было дело, пять лет назад. Что ж, в тот день мне и вправду не стоило садиться за руль. Я забыла таблетки и не хотела никого утруждать.

Тошнотворные головные боли я унаследовала от отца, который все время предостерегал меня от стресса. Что толку от этих предупреждений? Разве хоть кто-нибудь способен его избежать?

Помню, как тогда вылезла из машины и потеряла сознание. Эйден нашел меня в коридоре на полу. На следующее утро он сказал, что я сильно его напугала, и взял с меня слово, что я больше не стану так рисковать.

Что ж, Эйдену, по крайней мере, не все равно, и это, что бы между нами ни происходило, немного утешает.

Сейчас он садится напротив меня со сконфуженным видом.

– Ханна не ошиблась, я перепроверил. Мы выиграли, Ферн.

Я сплетаю пальцы на горячей чашке и наслаждаюсь теплом, возвращающим меня к жизни. Таблетки от мигрени притупляют все чувства, отключают от действительности, создают целительную расплывчатость. Чуть не обжегшись, я отдергиваю руки и роняю их на колени. Сейчас это щекочущее ощущение в пальцах – благо, оно резко возвращает меня к жизни.

ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ДЕНЬГИ, почему-то всплывает у меня в голове. Никакие деньги не отменят перемены в Эйдене и моего страха, что он меня разлюбил.

– Теперь мы сможем выплатить закладную за дом. Погасим долги по кредиткам...

Он прикусывает язык. Судя по его тону и по выражению лица, он понимает, что я еще не до конца осознала происшедшее. Мой мозг сейчас не может правильно расшифровывать слова. Я тупо смотрю на него.

– Так... Чай делу не поможет, тебе надо поспать.

Он встает, сильные руки поднимают меня с кресла и несут к двери.

– Обещай, что больше не будешь так рисковать, глупышка. Может, ты и суперженщина, Ферн, но, подозреваю, даже тебе иногда полезно передохнуть. Всем нам иногда бывает нужна помощь, зачем рядом я, если не для этого?

Мне нужно было это услышать. О, как нужно! Нужны были его сильные руки, чувство облегчения, безопасности. Какое облегчение! Из меня, как из проколотого шарика, выходит воздух, я чувствую внутри пустоту и доверяюсь мужу. Моя опора никуда не делась.

Эйден опускает меня на кровать, помогает раздеться. Стоит мне почувствовать мягкие прохладные простыни, как я отключаюсь. Темнота как кокон, сейчас это именно то, что нужно.

2. Разве не все мечтают о выигрыше?

Джорджия смотрит на меня, поднеся к губам чашку с кофе, ее брови озабоченно сведены на переносице.

– Что значит «одни проблемы»? Да, придумать, как поступить с доставшимися тебе денежками, не так-то легко, но я не думаю, что это настоящая проблема. Во всяком случае, мало кто отказался бы от такой проблемы.

Она убирает со лба рыжие пряди и испытующе смотрит на меня синими-пресиними глазами.

Я вздыхаю. Такое ощущение, будто последние две недели у нас с Эйденем нет другой темы, кроме этой. Оказалось, внезапный приток денег – вовсе не чудо, разом устраняющее все проблемы. Наши родные и друзья, как и коллеги на работе, считают, что мы пребываем в эйфории. На самом деле это не так. Знаю, это неблагодарность с нашей стороны.

– Все сложно, Джорджия, – бормочу я.

Она ставит чашку на стол в знак того, что готова слушать и не перебивать.

– Тебе надо выговориться. Если ты не доверяешь мне, значит, твоего доверия не заслуживает вообще никто. Мы давно дружим, ты знаешь, что я всегда тебя поддержу.

Мне трудно подобрать слова: несколько минут уходит на то, чтобы привести в порядок разбредшиеся мысли.

– Думаю, Эйден переживает какой-то кризис. Кажется, это теперь называют выгоранием. Это когда люди оказываются в состоянии эмоционального, физического, умственного изнурения. В нашей совместной жизни наступил период неопределенности. У Эйдена ощущение, что он должен бежать без остановки; ему кажется, что он недорабатывает, хотя это безумие, этим он себя только опустошает.

Договорив, я спохватываюсь, что раньше не думала, что смогу проговорить все это вслух. У Джорджии отвисает челюсть, и с таким видом она сидит целую секунду, прежде чем догадывается закрыть рот.

– Для меня он всегда был мистером Надежность, и я мечтала о том, чтобы Стив хоть немного походил на него. Мне не приходило в голову, насколько это изматывает. Знаю, как на него ориентируются благотворители: он умеет мотивировать других. Ты ведь слышала поговорку: хочешь, чтобы дело было сделано, – поручи его занятому человеку.

– Боюсь, отчасти это моя вина. Мы бы хотели рано или поздно завести ребенка, но наши накопления тают. На работе открывались кое-какие перспективы, я старалась добиться повышения. Мне хотелось доказать, что я на многое гожусь.

– Ну, теперь вопрос денег решен, вы можете расслабиться.

С этим не поспоришь, но Джорджия не понимает, что дело было не только в деньгах. Важнее было признание, и я делала все от меня зависевшее, чтобы его добиться.

– Если бы не моя сосредоточенность на цели, я бы заметила, что он на пределе. – Впервые я сознаюсь в своих страхах. До сих пор все ограничивалось неясной тревогой. Но шли недели, месяцы, и произвольные элементы головоломки складывались во все более четкую и, увы, безрадостную картину.

– Честно говоря, это немного неожиданно, хотя в последнее время он стал каким-то невеселым, не то что раньше. Каким-то озабоченным, что ли... – говорит Джорджия.

Я прямо вижу, как она мысленно складывает дважды два и начинает отдавать себе отчет в том, признаки чего именно уже давно мозолят ей глаза.

– Мы перестали обсуждать будущее, остались только разговоры о самом насущном. Мы женаты семь лет, и я не могу не беспокоиться, не в этом ли причина, – жалуясь я.

Джорджия улыбается:

– Чесотка семилетнего срока? Неужели это правда?

– Говорят, к этому сроку некоторым становится скучно. Не думала, что это случится с нами. Какой же я была дурой, когда полагала, что молчание Эйдена – признак того, что мы с ним преследуем одинаковые цели! Он погрузился в себя, а это тревожный сигнал, я должна была давно это заметить!

– Как я погляжу, он из тех, кто не останавливается на достигнутом. Но центр его мира – это ты, Ферн.

– А он – центр моего, но у нас все свелось к работе и к семье. Мы перестали заботиться о том, чтобы приодеться, забыли про романтические вечера, больше не радуемся нашей близости. Мы возвращаемся домой уставшие и уподобляемся овощам перед телеэкраном. В выходные мы либо занимаемся благотворительностью, либо возимся дома, либо навещаем моих родителей.

– А он... не выкинул какую-нибудь глупость? Ты случайно не слышала, чтобы он... – Джорджия еще сильнее хмурится.

– Нет-нет, он не такой! Не думаю, что у него появилась другая женщина. Я бы обязательно почувствовала, ведь правда?

Брови Джорджии взлетают к самым корням курчавых волос.

– Вы – пара трудоголиков, потому всегда были так близки, понимали друг друга с полуслова. Возможно, настало время сделать перерыв, устроить себе небольшой отпуск, насладиться покоем вдвоем.

– Хотелось бы мне, чтобы существовал такой простой способ! Но, боюсь, это бы нас окончательно взбесило. Быть круглосуточно вместе при его нынешней раздражительности – это дополнительный стресс.

– Понимаю, о чем ты. Вы бы постоянно были только вдвоем, не имея ничего, на что можно было бы отвлечься. Да, непростая ситуация!

Опять она права! Как объяснить то, что состоит из несчетных мелочей? Каждая из них по отдельности не стоит ломаного гроша, но вместе они образуют грозную лавину. Так ли убийственна эта лавина?

– В последнее время он стал ворчливым, бесед по душам уже не получается. Пропасть между нами неделя за неделей становится все шире.

– Вам всегда было так весело вдвоем, просто загляденье! Мне стыдно, что я не замечала перемен. От подруги ждешь внимания, а я...

Выходит, я вызвала у нее чувство вины, хотя совершенно этого не хотела. Эйден холодно встречает любую мою попытку до него достучаться. Обиднее всего то, что я даже не могу определить, когда именно он стал меняться. Когда восторг от нашей близости стал превращаться просто в уютное, почти светское сосуществование, от которого хочется взвыть?

Джорджия опять подносит ко рту чашку с кофе, обдумывая следующую свою реплику. От этой ее осторожности я сойду с ума!

– У нас со Стивом нет времени думать о том, что наш брак вышел на плато: дети не дают. Все наши мысли только о том, чтобы выспаться. Супружеское счастье ушло в далекое прошлое. Наш подарок друг другу – возможность немного поваляться в постели. – Она корчит гримасу.

Вижу, Джорджия пытается подсластить пилюлю, хотя говорит искренне. Просто она не ждала от меня такой откровенности. Я сама уже жалею, что завела этот разговор.

– Этот выигрыш еще больше нас разделил, Джорджия. Я хочу вернуть прежнего Эйдена.

Глядя на меня, она печально качает головой:

– Я за тебя тревожусь, Ферн. Ты работаешь в отделе кадров, все время занимаешься людьми, их проблемами. Ты – хороший коммуникатор и умеешь истолковывать знаки. Если даже тебе это не под силу, то, возможно, пора обратиться к семейному терапевту.

Я не успеваю отреагировать на ее предложение, потому что слышу, как открывается входная дверь, слышу голос Эйдена. От его «привет!» у меня сводит живот.

Мы с Джорджией переглядываемся.

– Я, пожалуй, пойду, – торопливо говорит она. – Не знала, что уже так поздно. Сегодня вечером моя очередь готовить. Мое потомство возмутится, что духовка пуста. – Она сжимает мою руку и шепчет: – Поговорим завтра.

Эйден входит в кухню, она тепло ему улыбается.

– Я побежала. Увидимся, друзья! – И она вылетает из дома через заднюю дверь.

Эйден подходит и касается губами моей щеки. Сразу видно, что он что-то задумал.

– Тяжелый день? – спрашиваю я, надеясь, что у него развяжется язык.

– Да. – Он идет с чашкой к кофемашине. Ее шум мешает продолжить разговор.

Я вынимаю из холодильника продукты и начинаю готовить салат, лишь бы не бездействовать, лишь бы чем-то заполнить тяжелую паузу, трещину между нами, на глазах превращающуюся в пропасть.

Стоя спиной к Эйдену, я слышу, как он выдвигает из-под кухонного стола табурет и садится.

– Мы научились друг друга избегать, да?

От этих его слов я резко оборачиваюсь. В его голосе нет упрека, только грусть.

– Я стараюсь не сделать хуже, чем уже есть, – отвечаю я. – Ты об этом?

– Полагаю да, но я просто не знаю, что еще поделать с тем, что мы сейчас переживаем.

Он указывает подбородком на другой табурет.

– Наверное, пришло время поговорить начистоту, Ферн.

Для меня его слова – как удар наотмашь.

– Я думала... надеялась... что мы всегда были друг с другом откровенны.

Он качает головой:

– Не знаю, в чем причина, но у меня такое чувство, будто из моей жизни что-то ушло, и понимаю, что это несправедливо по отношению к тебе. Как это ни бессмысленно, это отражается на всем, что я делаю. Или пытаюсь делать. Каждое утро, просыпаясь, я уже предвижу, что и как будет дальше.

Он смотрит на свою чашку, не поднимая глаз на меня.

– Предвидишь? А я вот не предвидела, что так будет. Не проще ли назвать это скукой?

– Скорее, однообразием, – поправляет он меня, и я чувствую, как у меня уныло опадают плечи.

– Однообразие? – повторяю я за ним. – Если ты говоришь о нормальной семье, появление которой мы все время откладываем, хотя в наших планах всегда было завести ребенка ближе к тридцати. Хочешь об этом поговорить – так и скажи. Все решаемо. Эйден, ты же знаешь. Нужна только уверенность, что мы готовы. Это ведь очень серьезно, милый.

– Речь не об этом. Не думаю, что сейчас было бы правильно усугубить напряжение.

Ничего хорошего эти его слова, мягко говоря, не предвещают.

– Послушай, мне очень жаль. Я знала, что у нас уже давно не все ладится. Зря я прятала голову в песок. Но при любой моей попытке затронуть эту тему ты заговаривал о другом. Я думала, что ты не готов к такому разговору.

Он выглядит удрученным, даже убитым.

– Я думал, что превратности жизни только сильнее нас сплотят. – Его тон становится мягче, я вижу, как он старается подыскать слова, чтобы выразить то, что чувствует. – Иногда каждый шаг дается с трудом, Ферн, нам ли этого не знать... Согласен, у нас бывали взлеты и падения, но мы всегда со всем справлялись вместе.

Он старается меня подбодрить, потому что не хочет продолжать этот разговор. Нет уж, Эйден, сколько ни увиливай, все равно нам придется разобраться, что у нас не так.

– Пора посмотреть правде в глаза. – Знаю, это звучит как вызов, но раз разговор пошел начистоту, нельзя давать задний ход. – Я никак не найду правильные слова, чтобы объяснить мои чувства, поэтому не удивлена, что ты не понимаешь... Я знаю одно: я тебя люблю, люблю всем сердцем, и для меня невыносимо, когда я так тебя огорчаю.

Он наконец поднимает глаза, наши взгляды встречаются. Выражение отчаяния в его глазах немного смягчается.

– Помнишь, как мы столкнулись друг с другом на школьных танцах? – Он щелкает пальцами. – Тогда что-то произошло, что-то важное, мы оба поняли, что все переменялось.

Я бы скорее назвала тот эпизод столкновением. И это были не просто танцы, а выпускной бал. Все мы были легковозбудимыми подростками, когда нам было по шестнадцать-семнадцать лет. Мы тогда впервые заговорили друг с другом, потому что Эйден был спортсменом, а я всего лишь болельщицей.

Я киваю, не желая его перебивать.

– Помню первое наше свидание через три дня. Назавтра ты мне позвонила и сообщила, что отец запрещает тебе со мной встречаться, потому что я вернул тебя домой на час позже обещанного и, уезжая, трижды погудел. Из-за этого во всем вашем тихом районе включился свет. Я просто выпендривался, хотел произвести на тебя впечатление и вообще был безумно счастлив.

Я в то время готовилась поступать осенью в прогрессивный Эмерсли-колледж. Отец, волнувавшийся по любому поводу, решил, что Эйден слишком заносчив и самоуверен, что явно шло ему в минус. Но с годами отец понял, что приобрел еще одного сына, мужчину, которому можно доверить упрямую дочь.

– Ты тогда сказала: «Мне все равно, ничто мне не мешает с тобой встречаться», – продолжает Эйден. – Ты не шутила. Я почувствовал себя непобедимым. Ничто в жизни уже не могло сбить меня с пути, ведь я нашел свою вторую половинку. Двое сильнее одного.

Мои глаза наполнились слезами, потому что при всей своей вдумчивости и даже романтичности Эйден нечасто рассказывает о своих чувствах. Если он этого желает, значит, на то есть причина... У меня уже холодеет, позвонок за позвонком, спина.

– Мы были очень настойчивы, – поддакиваю я ему.

Все твердили, что это ненадолго, потому что после получения аттестатов о среднем образовании мы оба намеревались поступить в университет и после этого вряд ли продолжили бы двигаться в одном направлении. Всем известно, что большие расстояния не способствуют отношениям. Но как ни страшна была мысль о разлуке, мы ни секунды друг в друге не сомневались.

Оглядываясь назад, трудно поверить, что у нас были шансы остаться вместе, – но мы использовали те немногие шансы, которые все же оставались. Оказалось, разлука даже способствует привязанности, и наши встречи складывались все лучше.

Эйден вглядывается в меня, и я гадаю, что он видит.

– Ты бы хотела что-то изменить? – спрашивает он. – По части карьеры ты меня обогнала, и я понимаю, что стал для тебя тормозом. Ты решительно отвергла предложение потрясающей работы в Лондоне, чтобы мы могли купить этот дом и пустить корни. Неудивительно, что твой папаша не сразу меня простил, не сразу смирился с тем, что ты согласилась на меньшее, чем заслуживала.

Он знает, что это не совсем так. Мне нужно было оставаться поблизости к своей семье по множеству причин, поэтому пустить корни именно здесь было правильным решением. Не вывело ли его из равновесия мое недавнее повышение? Надеюсь, он все-таки не считает, кто зарабатывает больше, а кто меньше: не хочется в нем разочароваться. Если у Эйдена настолько хрупкое эго, значит, я делаю что-то не то. Он для меня – всё: важнее денег, важнее должности. Он совсем меня не знает, если думает, что мне важны такие мелочи.

Эйден тоже вырос в плане работы. Пусть у него маловато дипломов, чтобы увешать ими стену, но набор его профессиональных навыков вполне востребован на рынке. Он блестяще мотивирует коллектив, занимающийся сбором средств на благотворительные проекты. В этом деле он незаменим, но я знаю, что он не самого лучшего мнения о самом себе, и мне грустно оттого, что у него заниженная самооценка.

Нельзя не ответить на его вопрос, хотя лучше бы не отвечать...

– Нет, конечно, я бы ничего не хотела изменить. Почему ты вообще об этом спрашиваешь?

Я смахиваю слезы, полная самых противоречивых чувств. Не намекает ли он на то, что я изменилась?

Он вздыхает – у меня от его вздоха душа переворачивается.

– Даже не знаю, как объяснить это чувство... А ЧТО, ЕСЛИ?..

Я ошеломленно смотрю на него.

– Ты жалеешь об этих семи годах? Жалеешь о выборе, который мы сделали?

– Нет! – Это слово впивается в меня как пуля и вдребезги разбивает тишину. – Он выразительно крутит головой, выбрасывает вперед руки, сжимает кулаки.

Он смотрит в потолок, а мне нечего ему сказать, потому что я не понимаю, что творится у него в голове.

Год назад его выбила из колеи кончина бабушки. Но сейчас происходит что-то другое, что-то такое, чего я никогда раньше в нем не замечала, и это меня пугает.

Наконец-то я не прячусь от страха, который одолевает меня вот уже полгода. Но я не знаю, что делать, что сказать.

Эйден наклоняется вперед и протягивает мне над столом руку. Я невольно делаю то же самое, и наши пальцы переплетаются.

– Я люблю тебя, Ферн. Всегда любил и никогда не разлюблю. Просто порой я перестаю понимать, кто я такой за тем фасадом, который показываю внешне... Разным людям я кажусь разным, но внутри у меня ощущение растерянности. Знаю, надо быть благодарным за нашу жизнь, ведь я счастливчик... Я не перестаю себе напоминать об этом, но...

НО? Я жду в невыносимой тишине. Наши пальцы постепенно расплетаются.

– ...но это как-то не помогает разобраться с мучающим меня чувством, что я... чего-то не понимаю. Будто от меня требуется большее, что-то очень важное, вот только я никак не пойму, что именно.

– Что-то лучше, чем МЫ? Не знала, что у тебя такие ощущения, Эйден. Почему ты раньше молчал?

Кажется, он не ждал услышать в моем голосе гнев.

– Ферн, я просто пытаюсь объяснить что-то такое, чего сам толком не понимаю. Дело не в сожалении, прости, если это так прозвучало. Ты достигла расцвета, и мне это очень нравится. Ты не просто красивая, умная и заботливая жена, дочь и сестра, ты способна достигнуть всего, чего пожелаешь. Ты заслуживаешь, чтобы рядом с тобой был такой же сильный и сосредоточенный мужчина, а я... Я вдруг начал сомневаться во всем, что делаю. Из-за этого я чувствую себя слабаком, обманщиком, избравшим линию наименьшего сопротивления.

– У меня такое чувство, что ты меня за что-то наказываешь, а ведь я всегда ставила и ставлю тебя – НАС – на первое место. В любом деле я выкладываюсь на сто десять процентов – уж такой я человек, и ты это знаешь, Эйден. Я не соревнуюсь с тобой, ничего не пытаюсь доказать, просто хочу, чтобы мы были счастливы.

Я встаю, негодование сменяется во мне возмущением. Это совершенно не тот человек, за которого я выходила замуж!

Эйден вскакивает, чтобы не дать мне уйти.

– После смерти бабушки у меня такое чувство, будто жизнь – тикающие часы. День за днем я должен двигаться вперед, но я застрял на месте. Я опустошен. Не могу разглядеть самого себя, я превратился в автомат, совершающий запрограммированные движения, вместо того чтобы нормально жить.

– Почему же ты не открылся мне, твоей жене? Вместо этого ты затих и позволил, чтобы возникшая между нами трещина с каждым днем становилась все шире.

Из-за слез его лицо плывет у меня перед глазами.

– Не уходи, любимая, не отворачивайся от меня! – Он заключает меня в объятия, тепло его тела действует на меня как успокоительное. – Я сам со всем этим справлюсь, обещаю, – шепчет он мне на ухо. На короткий момент возвращается прежний, уверенный в себе Эйден. Какое облегчение знать, что, возможно – разве нет? – не все еще потеряно.

– Думаю, нам обоим необходимо подумать о том, куда двигаться дальше. Я упираюсь, потому что чувствую, что ты тащишь меня назад, мне больно, но я думаю, что ты смущен этим не меньше, чем я. Это уже хорошо, правда?

От этих моих слов он еще крепче меня обнимает. Если у меня и были сомнения в его любви, это объятие уверенно их рассеивает.

– Я знаю, что не смогу без тебя. Но, может быть, чтобы обрести себя, я должен разобраться в себе вне наших отношений.

Вот оно! Перемена, о которой меня предостерегал внутренний голос, была неотвратима.

Неожиданно земля начала уходить у меня из-под ног. У него не депрессия, которой я опасалась. Нет, тут другое: Эйден стал чувствовать себя как в клетке, как в капкане. Его влечет неведомое, его уже перестал устраивать покой наших тринадцатилетних отношений. Жизнь, которую знала я – знали мы, – осталась в прошлом. И теперь я уже никак не могу это изменить.

Меня преследует прошлое. Отец сказал однажды: «Ты должна выяснить, кто ты такая как личность, Ферн, прежде чем строить отношения. Узнай себя – все остальное приложится».

У меня две сестры и брат, поэтому я хорошо знала саму себя. Дом был шумный, но мы были счастливы, невзирая на обычные перепалки и мелкие огорчения жизни в семье. Мы прислушивались друг к другу, всегда были готовы помочь, я чувствовала ответственность за брата и сестер. Мама называла меня прирожденной переговорщицей и всегда смеялась, когда я утихомиривала спорщиков, неспособных поделить удобное кресло перед телевизором.

В подростковом возрасте я, вторая по возрасту, стала, как ни удивительно, раздвигать границы дозволенного и сводить родителей с ума. Я была настолько уверена в своей правоте, что отказывалась слушать любые советы. Но часто им бывало не до меня, и отец ставил меня на место. Такие периоды шли мне на пользу, помогали увидеть перспективу.

Эйден – другое дело: как единственный ребенок, он был в своей семье пупом земли. Не решил ли он поэтому, что его роль – всегда радовать, никогда не разочаровывать? Только теперь, приближаясь к тридцати годам, он начинает бунтовать против этой роли. А достается от этого бунта мне.

Мой внутренний голос продолжает разговор, внутри звучат слова, которые я просто не могу произнести вслух. «Я не хочу, чтобы ты мне угождал, Эйден, я просто хочу, чтобы ты был счастлив. Пока мы строим нашу жизнь, я воображаю, что стремлюсь именно к этому. Как видно, именно тогда, когда это стало по-настоящему важно, я потерпела неудачу. Никогда себе не прощу, что так тебя подвела, милый!» Я борюсь с собой, чтобы не разрыдаться.

3. Вечеринка

– Насчет вчерашнего вечера: я совсем не хотел, чтобы...

Мы завтракаем. Эйден сидит напротив меня с виноватым видом.

Я много часов не могла уснуть, а когда наконец забылась, через два часа внезапно проснулась. Лежа в нетерпеливом ожидании рассвета, я подозревала, что он тоже не спит. Мы лежали, отвернувшись друг от друга. Еще никогда в жизни мне не было так одиноко.

– Если мы не можем быть честными друг с другом, значит, что-то всерьез сломалось. Не буду врать, твои слова стали для меня шоком. Но я рада, что тебе хватило смелости их произнести.

– Ты не разочарована во мне? – Эйден уже забыл про завтрак, и хлопья в миске перед ним выглядят все менее аппетитно.

Я мотаю головой, боясь, что мое громкое «нет!» прозвучит неубедительно.

– Как же мы поступим? Тебе нужно время на раздумья, но я пока не разобралась, что ты имеешь в виду.

Накануне вечером он сказал «вне наших отношений», из чего следует, что он не размышляет о трехнедельном уединении со мной в каком-нибудь экзотическом месте.

– Я хочу раздвинуть свои горизонты, испытать то, о чем раньше мог только мечтать. Мир велик. Посмотреть, как живут другие, – это поможет мне поставить в понятный контекст нашу жизнь здесь.

Я старалась и стараюсь облегчить нам жизнь, зная, что у Эйдена стресс. А теперь я слышу в его словах упрек, как будто я делала что-то не так.

Я делаю над собой усилие, чтобы подавить удрученный вздох.

– Что ты, собственно, предлагаешь?

Эйден, глазом не моргнув, отвечает:

– Провести год врозь, пожить самостоятельно. Я утолю свою жажду путешествий. Знаю, тебе неприятна мысль, что ты меня сдерживаешь. Тебе тоже будет полезно выпустить своего внутреннего ребенка, Ферн. Ты это заслужила.

Я не нахожу слов и, глядя на Эйдена, стараюсь справиться с нарастающей режью в животе. Он все переворачивает с ног на голову, ведь это он – виновник хаоса в нашей жизни, а не я. Или он всего лишь надеется собраться с силами и разобраться в себе? Неужели, если этого не произойдет, я его потеряю?

Возможно, моя сила превратилась в мою слабость? Я всегда справляюсь с проблемами, нахожу успешные решения, составляю план действий. Этого Эйден ждет от меня и сейчас, как какого-то производственного проекта. Но так просто проблему не решить, теперь уже мало миновать нелегкий отрезок, задача в том, чтобы вдохнуть жизнь в наш брак.

Спокойно, Ферн! Что такое год? Ты вернешься, у Эйдена пройдет кризис, и ваша жизнь опять твердо встанет на рельсы...

– Что насчет майского банковского дня, нашего выигрыша и дня рождения Ханны? – лепечу я, с трудом подбирая слова. – На ней и объявим...

– ...о нашем «творческом отпуске». Многие так делают, чтобы...

– ...раздвинуть горизонты! – перебиваю его я. Я считаю, что это наше личное дело, о котором не нужно оповещать других.

Как по мне, чем быстрее это начнется, тем скорее кончится. Я все еще в шоке, хотя понимаю, что лучше увидеть в этом приключение. Отпуск, из которого мы оба вернемся и все продолжим с того же места. Есть, правда, реальный шанс, что мы оба изменимся так, как сейчас даже не можем вообразить. Этого Эйден, похоже, не может или не хочет осознать.

Это может показаться поражением с моей стороны, но я этого не хотела. Просто я напугана. Мне нравится моя жизнь, мне всегда всего хватало, Эйдена тоже. Чутье подсказывает мне, что прежняя жизнь канула в прошлое.

* * *

На календаре понедельник, но на сей раз это выходной, и моя младшая сестра Ханна приехала на два дня к родителям. Потом ей предстоит знакомство с семьей ее молодого человека. Родители, конечно, переживают, потому что все мы чувствуем, что эти отношения серьезнее, чем все предыдущие.

Я? Я рада, что она улыбается, что впервые наслаждается настоящей любовью... Не исключено, правда, что все может кончиться приступом отвращения. Ничего, она уверена в себе и очень неглупа. Убедена, что она не слетела с тормозов просто потому, что на нее обратил внимание смазливый парень. Уж я-то знаю свою сестренку!

Наш брат Оуэн собирался приехать на семейное торжество, но сейчас он на пехотных учениях в Бреконе – это неотъемлемая часть его военного обучения. Это совсем непросто, и по сравнению с этим наши мелкие проблемы как-то меркнут. Он получает навыки борьбы за свободу – что такое по сравнению с его тяготами мои мелкие затруднения, которые, наверно, иссякнут так же быстро, как возникли!

У нас полно народу: близкие родственники, друзья, коллеги, соседи. Каждый из них приглашен не просто так – каждый участвует в нашей жизни.

– Послушайте объявление! – Стив, муж Джорджии, звенит вилкой о бокал, безуспешно пытаясь привлечь к себе внимание. Вдруг от слишком сильного удара бокал разбивается. Белая футболка бедолаги залита красным вином, осколки летят на пол. У него в пальцах остаются только ножка и дно бокала.

Джорджия сначала не верит своим глазам, потом хватается за моток бумажных полотенец. Пока идет уборка, Стив продолжает:

– Внимание, слушать всем! Без дальнейших предисловий предлагаю послушать Эйдена!

Джорджия, стоя на четвереньках, поднимает на мужа глаза.

– Говорю же, она меня боготворит!

Все встречают его шутку смехом.

Я бы рада тоже прыснуть, но нет, мой взгляд прикован к ненаглядному мужу. Он заметно нервничает. Он повернулся в мою сторону, и я направила к нему. Он берет меня за руку. Ирония ситуации в том, что, как только мы определились со следующим шагом, все между нами почти что вернулось к норме. Я сжимаю его руку, чтобы подбодрить.

– Единственный, кто не услышит сейчас нашего сообщения, – начинает он, – это брат Ферн, Оуэн. Но мысленно он с нами, хотя физически штурмует, должно быть, какой-нибудь склон в разгар марш-броска. – Вокруг хихикают. – Для нас обоих очень важно, что все вы здесь сегодня собрались. Мы отмечаем не наш недавний выигрыш в лотерею, а то, как мы ценим главных людей в нашей жизни – родных и друзей. А теперь прошу всех поднять бокалы. – Он улыбается мне, подносит мою руку к своим губам и целует. – Продолжи тост, дорогая.

Мы понимающе переглядываемся. Просто невероятно, как принятое решение изменило Эйдена.

– Мы не можем пожаловаться на судьбу, ведь она подарила нам таких замечательных людей, всегда готовых поддержать нас. Поднимаю этот бокал за вас и в особенности за мою сестренку Ханну, которой на следующей неделе исполнится девятнадцать лет. С днем рождения, сестренка!

Все громко поддерживают меня и чокаются. Неудача Стива забыта.

– Как знаем мы оба, деньги и вещи не делают счастливыми. Когда их нет, это, конечно, проблема – попробуйте в таком случае уломать банк ссудить вам много денег! Мы убедились в этом, ступив на тернистый путь, закончившийся приобретением этого дома. Но благодаря помощи любящих родителей, – я посмотрела в их сторону, подняв бокал, – мы в конце концов вышли на финишную прямую. – Немного поколебавшись, я собираюсь с силами. Мы на это пошли, и сейчас уже поздно отступать. – Теперь мы можем вернуть долг, выкупить закладную и радоваться своему гнездышку. Мечта осуществилась, нам очень повезло. Мы следуем правилу «если можешь, поделись», поэтому намерены сделать взносы в три наших любимых благотворительных фонда. Для нас это очень важно.

По комнате разносится громкое восторженное «ах!».

– Как известно, Эйден неутомимо трудится на благо фонда *Merchant Outreach*, оказывающего финансовую поддержку семьям с детьми-аутистами. Это всегда было для него не только работой, он уделяет этому много своего личного времени. Даже в выходные и в отпуске он продолжает сбор средств. Поэтому мы знаем, на что там пойдут наши деньги. Два других проекта, которые мы поддержим, – это исследования по борьбе с раком у детей и с болезнью Альцгеймера. Последний – в память о бабушке Эйдена, Дейзи.

Мне хлопают. Как чудесно сознавать, что тебя единодушно одобряют!

Эйден поднимает руку, требуя тишины.

– Есть еще одна новость, которой нам не терпится со всеми вами поделиться. – Он смотрит на меня, я киваю, поощряя его продолжать и изображая воодушевление. – Этот выигрыш позволяет нам немного себя побаловать. Мы познакомились совсем молодыми, поженились, как только окончили университет, и тут же впряглись в работу. Это был труд буквально нон-стоп, не дававший передохнуть. Так что вот новость: мы оба позволим себе отдых длиною в год. Это станет для нас обоим шансом предпринять кое-что из наших давних списков дел, которые хорошо было бы исполнить до тех пор, пока мы не завели детей.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Он продолжает:

– Оба мы ждем не дождемся предстоящего приключения. Я намерен путешествовать, у Ферн появится шанс передохнуть, позаботиться о себе. – В его улыбке, предназначенной мне, я вижу обожание, и мне становится не по себе. У Эйдена получается изобразить все так, будто я с энтузиазмом поддержала его идею. На самом деле у меня чувство, что меня загнали в угол. Его воодушевление начинает меня раздражать.

После недолгого колебания Джорджия поднимает бокал, все следуют ее примеру. Когда стихает хор поздравлений, Эйден взмахом руки опять требует тишины. Возможно, все присутствующие успели слегка напиться.

– Речам конец, закуски заждались. Приятного аппетита!

Все устремляются к буфету. Эйден выводит меня в сад. Мы прячемся в тени. Смеркается, вечер волшебный, но я, если честно, уже живу в кошмаре. От реальности никуда не деться, и у меня заранее холодеет спина.

Две недели мы с Эйденом строили планы, а потом настал момент, когда уже нельзя было скрывать нашу новость от членов семьи. Оповещение родителей было непростым делом. Я считала, что, раз Эйден все это придумал, ему все и объяснять. Не обошлось от взлетающих на лоб бровей, но у Эйдена получилось так доходчиво все изложить, что даже у меня немного отлегло от сердца.

Признаться Ханне и Оуэну было проще. Однажды вечером, когда сестра заехала к нам, мы позвонили по Скайпу брату. Меньше всего мне хотелось, чтобы он почувствовал себя оставленным в стороне. Он, конечно, удивился, но сохранил самообладание.

– Гм... Смелое решение. У нас есть причины беспокоиться? – спросил он и усмехнулся – обычная усмешка, сопровождающая у него волнение.

– Конечно нет. Я отправлюсь на автомобиле в Прованс, поживу в тихой деревушке. Группа талантливых художников ведет там на базе отдыха курсы различных традиционных ремесел и рукоделия, от вязания до гравировки. Всем заправляет известный живописец. Я стану помощницей-волонтером, по понедельникам буду работать полный рабочий день, со вторника по пятницу – в первой половине дня. Свободного времени будет хоть отбавляй. А вот у Эйдена более обширные планы.

Я хорошо понимаю, что Эйдену необходимо попутешествовать, иначе ему не избавиться от нестерпимого зуда. Возможно, ему захотелось испытать во взрослом возрасте неизведанное чувство свободы. Разве могла я остаться дома, пытаться жить нормальной жизнью, нетерпеливо ожидая от него новостей? А еще говорят, что выигрыш в лотерею приносит облегчение... Вот я и решила погнаться за собственной ускользающей мечтой, найти себе дело и не переживать, пока мы будем врозь.

В усмешке Ханна я заметила пренебрежение.

– Каждый сам по себе? Целый год? – Она с ужасом уставилась на меня, потом скосила глаза на Эйдена. Где ей было догадаться, что это его выдумка, а не моя! – Свобода – для чего?

Этот язвительный вопрос был задан мне. Вот я и стала злодейкой. Наверное, это потому, что Эйдена она всегда считала безупречным. До сих пор мне это нравилось, но сейчас решение принял он, а не я! Не могла же я объяснить ей, что ему и так несладко, а я просто пытаюсь сократить ущерб.

– В основном чтобы учиться рисунку и живописи. Вообще всему, что пожелаю.

– Ферн, у тебя нет хобби. Ты не из таких.

В этом месте Эйден, ясное дело, пришел мне на выручку. Думаю, он чувствовал себя виноватым. Никому, кроме Ханна, не хватало смелости высказать все начистоту.

– На протяжении всего нашего супружества Ферн училась, работала и поддерживала мои благотворительные проекты. Сама знаешь, она никому не отказывала в помощи. Свои собственные дела всегда были у нее на последнем месте.

Это отговорка, я недоумевала, почему бы ему просто не сказать им правду: что дело вовсе не во мне. Я просто подыграла его плану в надежде, что он вернется обновленным, готовым двигаться дальше вдвоем. Впрочем, мысль о том, чтобы хоть раз в жизни вырваться на волю, стала нравиться и мне. Я уже предвкушала занятия у художника Нико Галлегоса.

– Просто я удивлена, что вы не нашли что-нибудь для вас обоих, – не отступает Ханна. – Вы же всегда все делаете вместе!

Что ж, с этим не поспоришь.

Эйден не дал мне придумать ответ.

– Ты представляешь свою сестру с рюкзаком на спине? Я собираюсь скитаться по местам, которые раньше и не надеялся увидеть. Думаю, будет подворачиваться и благотворительная работа, а она тоже не предполагает удобств. Мир вообще не очень комфортабелен. Перемены сулят возможности, а такой шанс выпадает раз в жизни.

Я заметила, что он не обмолвился о моем страхе авиаперелетов. Как и о том, что я ни разу в жизни не ступала на палубу корабля. И там, и там я не контролирую ситуацию, и ему давно пришлось с этим смириться. В отпуск мы всегда ездили на машине. Эйден принимал это, потому что он меня любит.

Оуэн кивнул:

– Что ж, удачи вам обоим. Надеюсь, вы вернетесь посвежевшими.

Мы знали, что он все поймет, потому что он – человек дела, экономный на слова. Но Ханна все еще сомневалась.

– Нет, это какая-то чушь! Женатые люди не расстаются на целый год. – Она была расстроена и, может быть, даже напугана.

Я застонала – внутренне, рот оставался на замке, пока в голове не созрел подходящий ответ.

– Мы не расстанемся. Мы будем постоянно поддерживать связь. Вся штука в том, чтобы участвовать в делах другого, не присутствуя рядом физически. У меня будет полчасовая поездка в тоннеле, потом шоссе, вот и все. А Эйден всегда мечтал о дальних краях, он заслужил устроить себе путешествие всей жизни. Я буду наблюдать, чем он занимается, узнавать о том, что он испытывает, но, как всем известно... – Тут мне пришлось умолкнуть – не нашлось подходящих слов. – Одним словом, мне не терпится взяться за кисть. – Я очень старалась, чтобы это прозвучало убедительно, но на самом деле тем, кого приходилось убеждать, была я сама.

– А я подкачаюсь. Это гораздо лучше, чем месяц непрерывных занятий в тренажерном зале.

Эйден весело улыбался: в его воодушевлении нельзя было усомниться.

Ханна просто пожала плечами, переубедить ее было нелегким делом.

– В общем, старайтесь держать всех нас в курсе своих дел. Вы всегда были такими предсказуемыми. Теперь мы не знаем, что и подумать: всем придется переживать из-за ваших безумств. Это мне, младшей в семье, следовало бы ставить всех на уши! – добавила она с неуверенной улыбкой.

Мы с Эйденем были признательны ей за шанс посмеяться.

– С глаз долой – из сердца вон – это не про нас. Будем регулярно о себе сообщать, чем бы ни занялись. Но, думаю, вы можете спокойно отпустить нас на годик, вокруг вас и без нас достаточно народу, чтобы не заскучать. И потом, твоя сестра постоянно будет на телефоне, – ответил Эйден Ханне с комичной серьезностью.

За несколько секунд до конца связи по Скайпу я вдруг ощутила приступ уязвимости. Был ли это страх в одиночку выйти в большой мир? Я отбросила эту мысль, боясь, что она заведет меня не туда, и переключилась на практические заботы.

– Очень вас прошу: берегите себя, пока мы снова не соберемся вместе, хорошо? Главное, будьте внимательны к маме и папе, чтобы им не приходилось все время за нас переживать.

После моей просьбы повисла тишина. Прежде чем Оуэн пропал с экрана, я успела крикнуть:

– Мы тебя любим! Береги себя, Оуэн!

Иногда следующий шаг бывает не только захватывающим, но и пугающим. Никто – включая меня – не думал, что мы с Эйденем устремимся в столь неожиданную сторону. Мечты остаются мечтами, пока мы сами не решим претворить их в жизнь. Я могла лишь надеяться, что наши с Эйденем совместные решения окажутся верными.

Июль 2018 г. Буа-Сен-Вернон, Прованс

4. На новом месте

Неспешная двухдневная поездка принесла мне, как ни странно, успокоение. Прощание было волнующим – что и понятно, учитывая обстоятельства. Но что такое в наши дни расстояние? С любимыми можно в любую минуту созвониться. Во всяком случае, именно это все твердили, тщательно стараясь не смотреть мне в глаза.

Но мне еще только предстоит осознать реальность этого сценария, потому что я очень боюсь тоски по дому. Что, если что-то случится и ты больше никогда не окажешься рядом с главными в твоей жизни людьми? Это невыносимо, это форменная пытка. Единственный способ – наклеить на лицо улыбку, чтобы никто не знал, что у тебя на самом деле разрывается сердце.

Когда я позвонила Ханне в первый раз, еще не доехав до места, она пыталась сохранять спокойствие, потому что с ней был ее парень, Лиам. Но я все равно поняла, что позвонила не вовремя и что она только изображает вовлеченность. Возможно, она еще меня не простила, а может, у нее просто выдался неважный день.

Лиам чем-то напоминает мне Эйдена в юности. Но он менее импульсивный и ребячливый, чем был Эйден до того, как его придавил груз ответственности.

Я остановилась и стала размышлять о том, как Эйден изменился за все годы после нашего знакомства. От первоначального вдохновения с момента заключения брака и совместной жизни мы с ним перешли к суровой реальности оплаты счетов и борьбы за собственное гнездышко. Не было ли ошибкой так сосредоточиться на целях, которые мы сами себе определили, не это ли его сломило? Не это ли высосало из нашей жизни радость? Трудно выдерживать постоянный натиск, когда внутренние часы отсчитывают срок: «Время заводить ребенка, время заводить ребенка...»

Польза от разговора с сестрой в том, что теперь мои тревоги, что Лиам легкомысленно разбил ей сердце, рассеялись. Он понимает, как важна для Ханны я, и очень старается восполнить ей мое отсутствие, что даже трогательно. Гарантий, конечно, нет, но пока что создается впечатление, что они дороги друг другу. Еще мне кажется, что он со мной осторожничает, потому что чувствует, что на любого, кто сделает моей сестренке больно, обрушится мой страшный гнев.

На самом деле мне не хотелось уезжать, но если бы я осталась, то жизнь без Эйдена была бы невыносимой. У меня было бы чувство, что мы с ним просто разбежались. Так что мне пришлось вспомнить, что я большая девочка, и прочесть самой себе строгую нотацию: либо я буду страдать и устрою себе адский год, либо использую его для личностного роста. Решено: я стану знакомиться с новыми людьми и приобретать новые навыки. К моменту возвращения я стану лучше, моя жизнь обогатится, кругозор расширится, я вырвусь за пределы своего маленького пузыря.

Эйден чувствовал, что он в некотором смысле меня притормаживает, но и я держала его на привязи своими фобиями. От одной мысли о посадке в самолет, о том, что я окажусь в замкнутом пространстве даже для совсем короткого перелета, я бывала близка к обмороку. Однажды я рискнула поплыть на пароме и поплатилась настоящей панической атакой. То же самое чувство попадания в западню и полной беспомощности. Эйден согласился, что это было пугающе для нас обоих: в таком состоянии он меня еще не видел. Он никогда не обвинял меня в том, что из-за меня мы не можем толком путешествовать, и, откровенно говоря, я не

могу осуждать его за то, что он не упустил представившуюся возможность. Не исключено, что выигрыш в лотерею был не случайностью, а подсказкой судьбы.

И вот я позволила себе свое собственное маленькое приключение. Впрочем, заезжая на просторный передний двор усадьбы Вернон, я чувствую, что приключение грядет масштабное, отчего у меня в желудке снова просыпается нервная резь. Разглядывая это местечко на карте Google, я не могла представить такого масштаба и воображала всего лишь горстку хозяйственных построек и скромные флигели вокруг главного дома. Но то, что я вижу, – вовсе не деревушка, а нечто гораздо крупнее.

Я останавливаюсь рядом со старым «Ситроеном». Не успеваю захлопнуть дверцу и потянуться, как меня окликают по-английски:

– Как раз вовремя, к ужину! – Ко мне с улыбкой семенит пожилая дама в цветастой одежде. – Добро пожаловать, Ферн, я вас заждалась. Все называют меня Ди-Ди. – От нее прямо-таки исходит позитивная энергия.

Говорит она с легким акцентом, который я пока не могу понять. Ее английский безупречен. Она заключает меня в объятия, как свою старую подругу.

– Как добрались?

– Все прекрасно, благодарю, – отвечаю я ей со всей сердечностью.

– Это замечательно – предоставить себе роскошь поразмыслить в одиночестве, не так ли? Путешествие на автомобиле – отличная прочистка для мозгов, я всегда так считала.

Я киваю, признательная за теплый прием. Моя нервозность уже проходит, я очень рада, что хорошо себя чувствую в обществе первого же встретившего меня человека.

– Когда я была моложе, я несколько раз проводила отпуск в Провансе и рядом с ним. У меня прекрасные воспоминания о тех временах. Хорошо сюда возвращаться!

Для меня понятие «хорошо» подразумевает «...но не так, как раньше».

– Чудесно! Вы так вовремя приехали. Остальные нагрянут завтра, поэтому сегодняшний ужин пройдет в спокойной обстановке. Оставьте пока ваши вещи. Пойдемте.

Я хочу запереть машину, но она говорит через плечо:

– Здесь необязательно что-либо запирать. Вы скоро освоитесь с нашим расслабленным ритмом жизни. Сюда редко забредают пешие туристы, слишком от всего далеко, а приближающаяся машина слышно задолго до того, как она к нам свернет.

Сам двор перед внушительным замком-шато, вымощенный булыжником, окружен огромными кадками с аккуратно подстриженными вечнозелеными кустами. Осматриваясь по сторонам, я буквально кожей чувствую историю этого места и уже пытаюсь представить людей, прогуливавшихся здесь до меня. Мне понятна радость владельцев, встречавших гостей, которые добирались сюда после долгого утомительного путешествия с известиями из далеких краев.

Меня ведут не к самому шато, а в противоположную сторону, через внутренний двор. Главный дом стоит на пригорке, отделенный от переднего двора невысокой стеной. Напротив удлиненное L-образное одноэтажное здание и еще одна постройка – отдельно стоящий коттедж. Отсюда открывается вид на обширные, насколько хватает глаз, парк и сад. Вдали виднеются покрытые густым лесом холмы. Все вместе чрезвычайно живописно и создает ощущение уюта и защищенности.

Без сомнения, на обновление этих прекрасных каменных построек было потрачено немало времени, чтобы придать им вид расположенных уступами старинных домиков. В старину здесь, наверное, была ферма, даже конюшни. Я насчитываю шесть дверей на одном фасаде и вижу еще две чуть подальше.

– Какая любопытная планировка! – говорю я, ускоряя шаг, чтобы не отстать от Ди-Ди.

– Да. Когда-то здесь стояла деревушка, но некоторые старые дома так обветшали, что пришлось их снести. Чего тут только не было: пекарня, кузница, склад для фруктов и овощей.

Теперь вместо всего этого, конечно, отдельные студии. Внутренняя планировка в каждой своя. Вон там, за садом, – она указывает в дальний угол площади, – наша кузница. Наш кузнец Бастьен неразговорчив, вы сами в этом убедитесь, но пусть вас это не беспокоит. Он – отличный слушатель, а главное, очень надежный. В общем, я познакомлю вас со всеми нашими, а потом, после ужина, вы пойдете устраиваться.

Мне определенно предстоит шок. Не знаю, чего я ждала, но сейчас у меня ощущение, что вокруг меня творится что-то сверхъестественное. Я уже тоскую по дому и по своей устоявшейся рутине, в которой ничего не хотела менять. В горле встает ком, и я откашливаюсь, чтобы с ним разделаться.

«Не глупи, Ферн, – говорю я себе. – Ты же взрослая женщина». Но мне еще не доводилось уезжать так далеко, тем более в одиночку, от моей семьи. Я считаю себя сильной и умелой, просто все мы попадаем порой в ситуации, в которых чувствуем себя уязвимыми. «Дыши глубже!»

– Привет, Ферн! – Один из мужчин встает и идет ко мне с вытянутой рукой. – Я Нико. Добро пожаловать на базу отдыха «Шато Вернон».

У него волнистые черные волосы до плеч и самые темные карие глаза, какие я когда-либо видела. Эти глаза меня гипнотизируют. Ему идет аккуратно подстриженная короткая борода. По тону электронных писем, которыми мы с ним обменивались, я предполагала, что Нико Галлегос постарше, но на самом деле ему немногим больше тридцати. Если бы не легкий испанский акцент, он вполне мог бы претендовать на роль мистера Дарси¹.

Ему присущ несомненный магнетизм, и я боюсь, что не смогу оторвать от него взгляд. Его оливковая кожа и мускулистое телосложение производят сильное впечатление. Назвать его жгучим брюнетом – ничего не сказать. Но тут присутствует что-то еще, какая-то грусть, даже скорбь, усугубляющая загадку.

– Спасибо... Хорошо здесь у вас! – От волнения я с трудом выдавливаю слова. Он берет мою руку, но не пожимает ее, а просто держит обеими руками и смотрит мне прямо в глаза.

– Вы не совсем та, кого я ждал, – отвечает он теми словами, которые хотела произнести – но не произнесла – я сама.

Как ни приятно знакомиться, усталость принуждает меня рано попросить прощения и удалиться. Мое приключение началось.

* * *

Я выкладываю вещи из чемодана на удобную с виду кровать. Моя комната в шато раза в три больше моей спальни дома. Красивый дубовый пол поскрипывает под ногами. Кажется, я еще никогда не ночевала в таких старинных покоях. Я понемногу успокаиваюсь и уже способна оценить обстановку.

Она вполне спартанская. Единственные предметы мебели, кроме кровати, – большой платяной шкаф, вместительный комод и шезлонг – просиженная древность. На тумбочках по обе стороны изголовья кровати стоят изящные ночники в виде стеблей с переплетающимися чугунными листьями: один высотой дюймов тридцать, другой пониже, но идентичный по стилю. Я кладу на одну из тумбочек телефон и переноску в ящики комода аккуратные стопки своих вещей.

Белоснежные стены комнаты приятно контрастируют с темно-коричневой мебелью и паркетом. Весь стиль комнаты очаровательно прост, здесь отдыхаешь душой. Но есть здесь и нечто, выбивающееся из этого стиля, доминирующее, – огромная картина. Кажется, она сейчас возьмет и спрыгнет со стены. От пронзительности красок захватывает дух: это буйство всех

¹ Герой романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

оттенков зеленого, нанесенных грубоватыми мазками и образующих зачарованную чашу леса, рассматриваемую издали. Очевидно, это Буа-Сен-Вернон, но подписана картина не Нико, а неким Хосе.

Я вешаю несколько вещей на плечики и люблюсь резьбой на дверце шкафа. Закрыв дверцу, я провожу кончиками пальцев по резным желудям и бутонам и восхищаюсь тонкой работой.

В следующую секунду я вздрагиваю от громкого стука в дверь.

– Войдите! – кричу я и наблюдаю, как дверь медленно открывается.

Голова, просунутая в щель, принадлежит Сеане Маклей, женщине, ухаживающей за садом и всей территорией.

– Не помешала? – Шотландский акцент придает ее речи тепло и соответствует ее жизнерадостному характеру. Эта краснощекая, жилистая, энергичная женщина производит несколько обманчивое впечатление большой физической силы. Она такая мускулистая, что я смотрю на нее с невольной завистью. Почему каждый год приносит лишний вес? Моя талия сейчас на пару дюймов шире, чем была два-три года назад.

– Нет, я почти закончила. Входите.

– Я хочу попросить вас о большой услуге.

Я удивленно смотрю на Сеану: не представляю, что может быть не по плечу ей, но подвластно мне.

– Да, конечно. – Я сажусь на кровать и жестом предлагаю ей устроиться в шезлонге.

– Шикарная вещь! – хвалит она шезлонг. – Ди-Ди твердит, что заберет его и заново обтянет в мастерской. Да уж, моль наделала в ткани дырок. Когда мы красили здесь стены на прошлой неделе, готовя комнату к вашему приезду, я чуть было не уволокла его к себе.

– Здесь все делают вместе? Я еще понимаю – уроки для приезжих, но как со всем остальным?

– Более-менее то же самое. Нико не берет с нас платы за проживание, только за еду, плюс нам выплачивают равные части прибыли. В ответ мы оказываем всю посильную помощь, кроме проведения занятий.

– Представляю, что помощь очень нужна. Тут полно работы.

Она кивает:

– Он вложил много денег в возвращение усадьбе былой красоты. Летом мы продаем местным жителям излишки нашей продукции – это тоже прибавка к заработкам. Но деньги для него не проблема, если возникнут трудности, он попросту продаст еще одну картину. Отец оставил ему много полотен, его собственные тоже становятся все популярнее. Слыхали про Хосе Галлегоса? Жаль, что его картины стали цениться уже после его смерти. А вот картины Нико начали раскупать уже сейчас.

Я качаю головой.

Действительно, очень жаль! Семья наверняка от этого страдала. Чудесно, что Нико унаследовал отцовский талант.

– Они не очень ладили. Он говорит, что это из-за денег. Нико последний в семье, своих денег у него нет.

Из-за денег... Деньги не приносят счастья, я не перестаю об этом слышать.

– В общем, – продолжает Сеана, – Антон каждый день приезжает сюда из деревни на велосипеде и помогает полоть сорняки. Некоторые наши гости предпочитают простые занятия и наслаждаются свежим воздухом, а он за ними приглядывает. Это нетрудно, но без этого никак. Не каждый наш гость хочет приобретать новые навыки. Некоторым важнее добрые лица и дружеские слова. Антон большой мастер по этой части, а еще он классный садовник. Его жене сейчас нездоровится, вот Нико и предложил мне попросить вас его заменить. Сможете

взять под крылышко парочку наших гостей в первой половине дня, пока не вернется Антон? Вы очень нас выручите.

Я чувствую облегчение.

– Конечно смогу. Уж полоть-то я умею. – Мне уже смешно. – Следить, как полют другие, и того легче. О ком из гостей речь?

– Вот спасибо! Здесь, конечно, курорт, но не удивляйтесь, если вам покажется, что мы не во всем соответствуем этому названию. В рекламе Нико говорится о пяти днях практики в неделю. По выходным занятия не проводятся, но люди могут свободно пользоваться мастерскими. Все нацелено на помощь тем, кому надо отдохнуть от привычной жизни. Большинство так или иначе страдает от стресса, а я в шутку говорю, что это вариант отдыха для тех, кого не устраивает йога. По крайней мере, сейчас это так, хотя в будущем все может измениться. Вы поправите здоровье, потому что вам предстоит активная неделя на свежем воздухе. Подзарядка батареек – вот что это такое. Мы считаем важным, чтобы все чувствовали себя как дома, не испытывали никакого принуждения, если нуждаются в покое. Здесь хорошо просто гулять, просто сидеть в прохладной тени дерева. Это относится ко всем: к наставникам, к волонтерам, к гостям.

– Приятно слышать! Когда я нашла в интернете это местечко и нажала на клавишу «стать волонтером», я не понимала, что «базу отдыха» можно понимать по-разному. Меня привлек широкий выбор различных интересных предметов. Не говоря о самой местности! Я люблю лес, поэтому подумала, что здесь мне будет спокойно. Мне почудилось что-то знакомое, потому что в детстве меня возили отдыхать в эти края.

Для меня это было наилучшим решением: бесплатное жилье и еда в обмен на помощь. Я сказала Эйдену не переживать, если ему придется истратить больше, чем мы рассчитали на год. При этом плата по счетам на содержание дома в наше отсутствие никуда не делась. А главное, у меня чувство, что я буду делать что-то полезное и что я не просто упорхнула из нашего семейного гнездышка.

Сеана встает:

– Я все понимаю. Для вас это полная перемена в образе жизни. Но с Нико очень легко ладить. Думаю, вам у нас понравится, Ферн. Подходящего для нас человека всегда видно сразу. – Она ободряюще улыбается. – Новенькие приезжают на автобусе в понедельник днем. Изредка кто-то приезжает на машине, но большинство прилетает, дальше их забирают в аэропорту. Они устраиваются у нас и наскоро обедают. Под вечер немного учебы или труда. Всегда находится пара-другая новичков, предпочитающих уроку овощеводства простую прополку.

Я не удерживаюсь от хохота:

– Простите! Моя мать была бы сильно удивлена своей дочерью. Сама она часами возится в саду. Большую часть детства я нехотя ей помогала. Отсюда мои познания в трудном ремесле прополки.

Сеана усмехается.

– Большая часть нашей еды растет у нас на грядках. Скотиной занимается кузнец Бастьен, рыбу ловит Тейлор: в лесу есть озеро, так что вы можете принять участие в вылове ужина, если в вечернем меню обещана рыба. – Она идет к двери, уже берется за отполированную медную ручку, но снова оглядывается. Видно, что она колеблется. – Нико – прелесть, он просто пылкий человек, но иногда бывает вспыльчивым. Не без скачков настроения. Если у него неприступный вид, то лучше оставить его в покое. Ну, вы меня понимаете.

– Благодарю за подсказки, Сеана. В высшей степени полезно!

– Спокойной ночи, – говорит она уже из двери. – Завтрак в восемь утра.

Я жду, пока закроется дверь, и проверяю телефон, чтобы узнать получил ли Эйден мое сообщение. Он летит в Австралию, чтобы начать свое приключение в стране, о которой всегда грезил.

«Рад, что ты добралась живой и невредимой. Через час у меня посадка и последний перелет. Выспись хорошенько. Люблю и скучаю».

Он отправил это сообщение всего двадцать минут назад. Возможно, раньше не было связи, но для меня странно не иметь возможности общаться с ним напрямую. Мы разлучились добровольно, но инициативу проявил Эйден. Я не могу избавиться от чувства, что он меня подвел.

Я ложусь и смотрю в сводчатый потолок. Вокруг широкой люстры ползает черная точка. Паучок предпринял грандиозное путешествие, и я хорошо понимаю, что он чувствует.

5. Нахожу свой путь

После завтрака все готовятся встречать гостей. Нико хочет обсудить со мной мой рабочий график. Он намерен провести для меня обзорную экскурсию, но ему только что позвонили, и он вынужден куда-то бежать. Я остаюсь одна и слоняюсь без дела, дожидаясь его возвращения.

Внутри каменное здание почти лишено перегородок. Половину потолка занимает нечто вроде чердака: там виднеется какое-то ржавое железо. Наверное, раньше там был сеновал. Каменный пол изрядно истоптан, но все остальное здесь вовсе не ветхое, отдает простой, чистой, аккуратной деревней.

Я отхожу к дальней стене. Большой обеденный стол выглядит в огромном помещении гостинной одиноко. Стулья и табуреты всех размеров и форм, гулкую акустику смягчает парочка диванов.

В одном углу уютится что-то вроде библиотеки – книги и журналы, здесь же столик для чаепития – на нем предусмотрено все необходимое для приготовления кофе. Я вижу перед собой две двери. За одной туалет и душевая, за второй кухня. Я удивленно вижу весело улыбающееся лицо.

– А, новенькая! – Полная француженка во всем черном загружает одну из двух посудомоечных машин.

– Бонжур, я Ферн, Ферн Уаймен, – представляюсь я. Она прерывает свое занятие и поворачивается ко мне.

– Марго Брессан. Надеюсь, вы всеядная? – Она внимательно смотрит на меня.

– О да, мне просто угодить.

Она кивает. Мой французский оставляет желать лучшего, но я давно убедилась, что если позволить себе произнести хотя бы несколько французских слов, то создается обманчивое впечатление, что я бегло владею языком. На самом деле я не могу уследить за быстрой французской речью, улавливая максимум некоторые обрывки. Попробуй поддержи разговор при таких плачевных навыках!

Я стою в симпатичной, полностью оборудованной кухне. Блеск нержавеющей стали и кафеля слепит глаза.

– Я прочла на сайте, что вы всю неделю даете уроки кулинарии.

Она ополаскивает в раковине руки, вытирает их полотенцем и делает шаг ко мне.

– Да, обожаю учить.

Мы понимающе усмехаемся.

– Я бы к вам походила, если не потребуешь где-то еще. Если честно, повариха из меня неважная, мне есть чему поучиться.

Мои слова ее насмешили.

– Я научу вас печь самые лучшие круассаны и булочки, даю слово.

Наш разговор прерывает мужской голос:

– Вот вы где, Ферн!

Нико входит в кухню и обращается по-французски к Марго. Я понимаю не все, но достаточно: они обсуждают сегодняшние блюда. Потом он поворачивается и разглядывает меня, прежде чем встретиться со мной взглядом.

– Давайте пройдемся и поговорим.

Я прощаюсь с Марго и выхожу следом за Нико на утреннее солнышко.

– Извините, что заставил вас ждать, Ферн. Всегда появляются какие-то важные заботы. Сегодня сломался грузовик, когда вез в город нашу свежую продукцию. На счастье, в местной автомастерской его быстро приведут в порядок. Надеюсь, вы хорошо спали?

Он выводит меня на середину двора.

– Хорошо, спасибо.

Его темные, полные загадки глаза смотрят очень внимательно. Чутье подсказывает мне, что бесы, бушевавшие этого человека, шалят очень близко к поверхности. Для такого молодого мужчины у него слишком морщинистое лицо. Хмурится он чаще, чем улыбается.

– Расстаться на целый год с такой важной работой – серьезное решение. Надеюсь, вы найдете здесь то, что ищете.

Теперь мы смотрим друг другу в глаза, и я вижу, что это не простое любопытство, что его всерьез интересуют мои мотивы. Я еще не готова объяснять свою ситуацию, поэтому предлагаю ее смягченный вариант.

– Пришло время вспомнить о своем творческом прошлом. В детстве я любила рисовать, но, повзрослев, никогда еще не имела возможности по-настоящему разобраться в себе с этой стороны.

Вижу, его не обведешь вокруг пальца, но при этом не думаю, что он станет на меня давить.

– У вас будет много времени, чтоб все начать сначала. Судя по вашим письмам, вы интересуетесь несколькими ремеслами, которым мы здесь учим. Сеана очень рада, что вы готовы помогать ей в саду до возвращения Антона. Заниматься землей и заставлять ее плодоносить – главное в нашем здешнем образе жизни, поэтому мы всех привлекаем к этому в летние месяцы. Я твердо верю, что свежий воздух и природа исцеляют.

Для испанца у него почти незаметный акцент. Наверное, он давно не жил в родном краю.

– Здесь, в этом чудесном уголке, с вами невозможно спорить. Дома выбираться на природу удастся только по выходным. Я мало что знаю об уходе за растениями, но полна желания научиться.

Он останавливается и поворачивается ко мне. По-моему, он пытается во мне разобраться – совсем как я в нем.

– Прекрасно. Я внесу работу в сад в ваше утреннее расписание на первую неделю. Думаю, для начала вам будет полезно поработать бок о бок с Сеаной. Днем я с радостью приглашаю вас на занятия живописью. Как только выяснится, каковы ваши навыки и интересы, я начну заниматься с вами индивидуально. К вам будут относиться как к члену коллектива. Надеюсь, когда пролетит год, вы почувствуете, что многое приобрели от участия в этой программе.

– Спасибо за этот великолепный шанс, я готова усердно трудиться, чтобы не ударить в грязь лицом. Уверена, многие с радостью махнули бы рукой на свою повседневную рутину и посвятили бы год изучению своих внутренних побуждений. Не обещаю, что во мне притаилось скрытое дарование, но мне всегда очень нравилось выделять время для того, чтобы посидеть с карандашом и блокнотом. Скажу честно, в школе было мало уроков рисования, да и те, что были, не слишком меня привлекали, зато дома, оставаясь одна, я давала себе волю...

Он качает головой, сверкая глазами.

– До чего грустно это слышать! Наши способности лежат глубоко в нас, пока не появляется шанс проявить свою творческую сущность. Не надо бы ее подавлять! Любой глаз по-своему воспринимает действительность. Искусство – способ уловить и сохранить эту уникальность. – Нико говорит отрывисто, в его голосе слышен гнев, он возмущен тем, в чем видит колоссальную несправедливость. – Настоящий художник слушается своего сердца, а не просто силится произвести впечатление или угодить покупателю. Коммерция часто становится убийцей творчества. Я это знаю, я прошел этот путь.

– Соблюдение жестких сроков – источник лютого стресса, – подхватываю я. – Творческий порыв не включишь и не выключишь по своему хотению, верно?

– Ни за что! Не сомневайтесь, Ферн, здесь мы докопаемся до вашей внутренней музыки. Большинство людей видят в этом освобождение. Уверен, это произойдет и с вами. Живопись

ради удовольствия – чудесный способ расслабления в нашем озабоченном мире. Порой это становится не просто хобби. Получится ли так с вами – покажет время.

Я околдована его словами. Околдована и вдохновлена. Нико – пылкий человек, но при такой решительности, при таком напоре можно вдохновлять и одновременно жестко ставить задачу. По словам Сеаны, он один как перст, никто, никакая родня не способна подарить ему ощущение близости. Поэтому я догадываюсь, что работа и эта маленькая община составляют весь смысл его существования. Похоже, он отрезал себя от мира, от возможности выстроить жизнь на пару с другим человеком. Почему, хотелось бы мне знать?

Меня переполняет сочувствие, я догадываюсь, что здесь кроется жизнь, полная боли и, наверное, сожаления. Если Нико и замечает мою спонтанную реакцию, то не подает виду – и хорошо, она мимолетна. Это обратная сторона интуиции; порой мне кажется, что я без разрешения вторгаюсь на чужую территорию, как наглый соглядатай.

– Вы видели нашу кухню и гостиную, под них мы отвели первый из бывших сараев в L-образном доме. Во втором столярная мастерская: там заправляет Тейлор Гамильтон. Еще он использует для своих нужд один из двух открытых навесов в саду. В оставшейся части Бастьен Карон развернул свою кузницу.

Я пробегаю глазами по веренице дверей в доме, о котором рассказывает Нико.

– Дальше гончарная мастерская и камера обжига Одиль Моро, еще дальше – студия кройки и шитья Ди-Ди. Она же пока что заведует нашей комнатой ремесел и рукоделия. Студия живописи занимает два угловых помещения. Я провожу там часть моих занятий, но в теплое время года часто отправляюсь с учениками на этюды на озеро или в лес.

Слышно, как приближается, пыхтя выхлопом, автомобиль. Белый грузовик заезжает во двор и тормозит у входа. Водитель спрыгивает на землю и приветственно машет Нико. Тот в ответ поднимает вверх ладонь.

– В дальнем конце, – продолжает он рассказ, опять поворачиваясь ко мне, – две секции и отдельное строение – это жилые помещения. Комнаты преподавателей находятся, как вам уже известно, на втором этаже шато, только у Бастьена две комнаты в «малом доме», который мы называем коттеджем. А сам я живу на первом этаже, в задней части шато.

Это сооружение я еще не полностью обошла, отсюда мое нескрываемое любопытство.

– Гостей никогда не поселяют в главном доме?

– Бывает, но редко, хотя там на первом этаже всегда готовы восемь комнат. Всего во дворе шестнадцать комнат, не припомню, когда последний раз их не хватало. Мы аккуратно соблюдаем баланс между персонифицированным интерактивным опытом наших гостей и надежным заработком всех работающих здесь. На Рождество мы закрываемся на три недели, но весь остальной год наши преподаватели так распределяют отпуска, чтобы мы могли не закрываться.

Я отдаю должное тому, какую тяжесть взвалил на свои плечи этот человек. Наверное, он относится к шато как к своему святилищу. Понятно, почему другим преподавателям хочется иметь личное пространство для отдыха в конце дня. В конце концов, здесь их дом.

– Все очень разумно, Нико. И планировка замечательная!

Судя по выражению лица, ему хочется свернуть наш разговор. Он все время поглядывает на грузовик. Водитель куда-то исчез.

– Хотите заглянуть в мастерские? Узнаете, как там все устроено и что там есть. – Сказав это, он зашагал прочь.

Будь на месте Нико любой другой, такое завершение разговора можно было бы счесть невежливостью. Но его голова пухнет от мыслей – это ясно любому. Разобравшись с одним пунктом из своего мысленного списка, он немедленно приступает к следующему. Сейчас он озабочен тем, чтобы выяснить, что не так с грузовиком и успешно ли доставлена продукция.

Любопытство гонит меня к угловой мастерской живописи. Отодвинув задвижку на двери, я попадаю в просторное помещение под плоским, в отличие от гостиной и кухни, потолком. Лесенка справа ведет в мезонин. Я поднимаюсь по ней, слушая звук собственных шагов.

Я попадаю в кавардак из табуретов и мольбертов, среди которого тонет столик под мятой темно-синей шелковой скатертью. Ее помятость напоминает рябь на море. На краю столика стоит блюдо с зелеными яблоками и нежно-желтыми грушами – несомненно, из здешнего сада. На одной груше осталась веточка с листьями. Нико повернул веточку так, чтобы она закрывала все белое керамическое блюдо. Куда ни глянь, всюду заметно внимание Нико к мельчайшим деталям. Мне даже видится в этом какая-то маниакальность.

Маниакальность... Это слово почему-то меня настораживает. Что мне в нем чудится? Не паранойя ли это? Вся моя жизнь перевернулась вверх дном, все вокруг меня – совершенно новый опыт. Этот год открытий, как выразился Эйден, – все равно что открывшаяся дверь в новый мир. Я не хочу ее распахивать, потому что раньше не испытывала в этом потребности. Я была довольна жизнью. Что в этом плохого? Не всем быть искателями приключений, но просто довольство тем, что у меня есть, меня больше не устраивает. Совершенно не устраивает!

– Мир сходит с ума? – громко кричу я. Эхо от моего голоса мечется по пустой мастерской.

Ощущение обязательности, необходимости прыгнуть выше головы – вот что оторвало от меня мужа, и как бы не навсегда!

Я торопливо достаю из кармана телефон, не нахожу новых сообщений и начинаю писать:

«Новости на сегодня: я стою в мастерской художника и жду не дожусь, чтобы усесться с кистью или с карандашом в руке и с чистым листом бумаги передо мной. Путешествие началось».

Пальцы автоматически набирают текст, я признаюсь, как сильно по нему скучаю, но, не дописав, прерываюсь и по одной стираю буквы. Если Эйден перерос меня, перерос нашу любовь, то мне остается только отдать себе в этом отчет. Я еще не догадываюсь, как именно это сделать. Ведь он для меня – все. Он – центр моего мира, причина, по которой я встаю по утрам. Но его больше нет рядом, и у меня чувство, что не стало частички меня самой.

* * *

После приезда автобуса начинается суэта. Люди, чемоданы, ручной багаж, какофония звуков... Впрочем, все держатся вместе, и я следую полученным инструкциям: помогаю разнести по комнатам вещи, а потом возвращаюсь в гостиную, чтобы помочь в столовой.

Марго выстраивает на длинном столе баррикаду из яств, в чем ей помогают несколько преподавателей. Сеана подходит ко мне и, пока я раздвигаю подносы, заводит разговор:

– Нико говорит, что среди приехавших есть девушка по имени Келли. Не знаю, заметили ли вы ее. Бледная, руки в браслетах и в татуировках драконов. Ей восемнадцать лет, он просит нас за ней приглядеть.

Она вскидывает брови, я киваю.

– Я отнесла ее чемодан. Она поселилась в коттедже.

– Если не возражаете, сегодня она побудет с вами. К вам может присоединиться еще одна женщина, Патриция. Она очень сдержанная, даже робкая. Келли неразговорчива, как вы, возможно, заметили, так что, думаю, получится неплохо. Не волнуйтесь, если Келли уйдет в себя. Пусть осваивается. Если вас что-то смутит, дайте мне знать.

– Жаль, что в группе нет ее сверстников. Она может почувствовать себя одиноко. – Я удивлена, что такая база отдыха приглянулась почти подростку.

– Мы часто убеждаемся, что возраст не играет роли. Выпадая из обычной рутины, люди пробуют необычные способы общения.

– Можно задать вам личный вопрос, Сеана?

Она кладет на расчищенное место на столе сырную доску.

– Спрашивайте о чем хотите, у меня нет секретов, – шепчет она.

– Я знаю, что вы садовник, а кто еще?

Она выпрямляет спину и чеканит:

– Еще я заведу психическим здоровьем и благополучием гостей.

Я киваю, и она возвращается в кухню.

Почему судьба забросила меня именно сюда? Вибрация на бедре заставляет меня спешно сунуть руку в карман.

«Моя первая новость: я на месте, и я в порядке. Познакомился с парой парней, они едут на разработки опалов. Подожду пару-тройку дней, но не уверен, что меня позвуют. Наслаждайся уроками рисования. Я свяжусь с тобой, как только смогу. Скучаю по тебе, милая. Люблю тебя».

Я смотрю на сообщение, ужасно разочарованная. Добыча опалов? Вот, значит, как Эйден собирается избавляться от своей проблемы? Он с ума сошел, что ли? О добыче опалов в Австралии я знаю одно: это опасное занятие.

Я разрываюсь между тревогой и злостью из-за того, что мой любимый мужчина способен на такое глупое решение. К тому же с ним чужие люди! Это чревато бедой. Как я узнаю, если он угодит в переплет?

Эйден пытается придать своей жизни смысл – жизни, которую он вдруг счел слишком обыденной. А я махнула на него рукой. Надо было его отговорить, я ведь знала, какой у него сильный стресс. А стресс влияет не только на организм, но и на психику. Неудивительно, что меня саму качает, как тростинку на ветру.

6. Принятие

Пока все едят, Сеана показывает мне, где хранится садовый инвентарь. Я уже готовлюсь к первому коллективному занятию на неделе. Мы минуем сад, и я впервые вижу огород, оказывающийся очень большим. Вдаль тянутся бесчисленные грядки, и эта картина, если честно, действует на меня устрашающе.

– Вот это масштабы! Неожиданно! Где мне начинать?

Она смеется:

– Не бойтесь, ваша задача – грядки лекарственных растений. Идемте!

Пока мы идем к дощатым навесам, меня не покидает тоска, навеянная сообщением Эйдена. Смогу ли я добросовестно трудиться, пока душой и телом нахожусь совсем в другом месте?

Сеана, оглянувшись на меня, видит мое уныние.

– Не все так плохо, уверяю вас. Грядки сформированы, вы просто будете двигаться с тляпкой вдоль одной, потом вдоль другой. Работа трудоемкая, зато приносит удовлетворение. Инвентарь вот здесь, больше вам сегодня ничего не понадобится. Главное, убедитесь, что дамы отличают сорняки от культурных растений. Я вам растолкую, какие бывают сорта.

Это весьма насыщенная помощь, потому что некоторые сорта кажутся на вид бесполезными, но Сеана объясняет, что травы растут не так аккуратно, как другие культуры. Одни куствуются, другие переукореняются и сильно разрастаются.

– Дай волю, например, мяте – и она все заполонит. Поэтому применяются деревянные перегородки, мешающие разрастаться ее корням... Как настроение?

– Как будто неплохо, – бормочу я.

– Я бы так не сказала.

Я удрученно киваю.

– Прежняя профессия научила меня, что проблемой бывает полезно поделиться. Все сказанное останется между нами, Ферн. Вы можете мне доверять.

– Дело не в доверии, Сеана, а в том, что я сама перестала понимать, что происходит в моей жизни, – грустно признаюсь я.

Она молчит. Я машинально вытягиваю из земли сорняк-другой.

– Дело в моем муже. У него очень напряженная работа. Он – сотрудник благотворительной организации, на нем серьезная ответственность. У него не остается свободного времени, он весь в работе. Отсюда стресс, и боюсь, как умственный, так и физический. Сейчас он путешествует, но меня удручает не это... – Я прикусываю язык.

Сеана внимательно смотрит на меня:

– Вы решили сделать перерыв, чтобы разобраться в ваших чувствах?

– Нет, мы решили, то есть ОН решил, что мы устроим себе годичный отпуск. В молодости это было нам недоступно: закончив университет, мы оба бросились зарабатывать деньги, чтобы расплатиться за закладную. Недавно мы неожиданно получили кое-какие деньги, вот Эйден и решил... о, если честно, я понятия не имею, как ему пришла эта безумная идея – отправиться в самостоятельное путешествие. Он сказал, что нам надо изучить самих себя, что бы это ни значило. Ему захотелось путешествовать, а я не летаю на самолете и не плаваю на корабле. От мысли, что я перестала контролировать окружающее меня пространство, у меня начинается паническая атака. Из-за этого набор маршрутов резко сокращается. Сейчас он скитается с рюкзаком по Австралии, познакомился там с каким-то парнями, занимающимися добычей опалов. Опалы, представляете?

Я хрипну от огорчения. На самом деле это большое облегчение – выложить все начистоту, хотя я подозреваю, что шокировала Сеану. Не хочу создавать у нее впечатление, что приехала

сюда не по тем причинам, которые указывала в своих письмах. Мне действительно хотелось выявить в себе творческую жилку, которую я всегда подавляла – уж больно нетребовательной она была. Я работала, получала профессию, занималась домом – в сутках не хватало времени на всё. Время на Эйдена и на мою семью приходилось выкраивать с большим трудом.

В междурядье растёт гора вырванных мной сорняков, а я все не унимаюсь.

– Я знаю, чего вам недостает, Ферн: ПРИНЯТИЯ. Поразмыслите об этом сегодня за работой.

Она идет дальше, я машинально слеую за ней. Принятие? Вряд ли махнуть рукой на чужие проблемы – эффективная тактика психологического консультирования. Или это надежда на шок?

* * *

– Берите перчатки, леди. Вот это – если кто-то не знает – называется «тяпка». – Я дружески улыбаюсь обоим моим подопечным.

Патриция и Келли смотрят на меня не так воодушевленно, как я надеялась.

– Мы посвятим два часа прополке. Я сегодня уже поработала. Как вы убедитесь, распознать сорняки не составляет труда. Узнаете эти культуры?

Я пытаюсь установить с ними контакт, но по виду Келли ясно, что она не горит желанием идти мне навстречу. Ее небрежность смущает Патрицию, с виду весьма сдержанную, даже скрытную особу. Повинуясь моему взгляду, больше похожему на молчаливую мольбу, она говорит:

– Я справлюсь, сама кое-что выращиваю дома в огороде: салат летом, немного картофеля. Кажется, здешние травы мне знакомы.

– Отлично! Как насчет тебя, Келли?

– Ага.

Немногословно!

– Давайте так: одна встает на одном конце, вторая на другом, я беру на себя середину.

Келли хватает голой рукой тяпку и уходит на дальний конец грядки. Оттуда она ничего не услышит, из чего я делаю вывод, что ей хочется одиночества.

Я кошусь на Патрицию, та видит, что я провожаю взглядом Келли.

– Бедняжка! – говорит она.

Я киваю и тихо отвечаю:

– Думаю, свежий воздух пойдет ей на пользу.

Не хотелось бы, чтобы Келли знала, что мы ее обсуждаем, но Патриция и не собирается: она молча принимается за работу.

Исподтишка поглядывая на Келли, я удивляюсь, как активно она взялась за дело. Работа кропотливая, потому что травы, в отличие от овощей, высаженных прямыми рядами и не мешающих прополке, растут как попало. Розмарин представляет собой кустики, в тени которых вольготно чувствуют себя сорняки, а лимонная мята, наоборот, прибита дождем к земле. Но я отдаю должное Келли: она не халтурит и не менее старательна, чем Патриция или я.

В четыре часа мы закругляемся. Идти обратно молча как-то странно, поэтому я заговариваю первая:

– Я сама новенькая, только вчера приехала. На то, чтобы привыкнуть, нужно время.

Я не рассчитываю на реакцию, но Келли меня удивляет.

– В гостиной висит гитара, – сообщает она. – В списке занятий не было музыки, а жаль. Любопытно!

– Действительно, жаль. Но раз есть гитара, значит, кто-то на ней играет. Если хочешь, я могу узнать.

– Спасибо, было бы славно.

Я вижу на лице Патриции улыбку. Считанные часы не особо тяжелого физического труда творят чудеса!

* * *

– Привет, Ферн! Как ты там?

Это Оуэн. Я откидываюсь в шезлонге, закрываю глаза и представляю себе лукавую улыбку брата.

– Я хорошо, рада слышать твой голос. Как учеба?

– Не передохнуть. Но конец уже виден. Ты не поверишь, у меня теперь кубики на животе.

Моего брата превращают в воина! Такую подготовку выдерживают только самые упертые, но решимости ему всегда было не занимать, надо было только определить, чего ему хочется больше всего.

– Чудеса! Надеюсь, вас хорошо кормят. – Сомневаюсь, что узнаю при следующей встрече своего подтянутого братца, бывшего домоседа, любителя компьютерных игр.

– Если честно, я хожу голодный и уминаю подчистую все, что кладут. Ничего, все съедобно. Несколько дней мы проведем на полигоне Солсбери-Плейн, вот я и решил справиться перед отъездом о тебе. Странновато, наверное, оказаться оторванной от всех?

Знаю, Оуэн за меня беспокоится, но не в его правилах в этом сознаться.

– Здесь хорошо! Днем я возилась в огороде вместе с двумя другими новенькими. Завтра утром то же самое, зато днем я впервые за много лет сяду за мольберт. Горю от нетерпения!

Он смеется.

– Что тебя насмешило?

– Пытаюсь представить, как ты в порядке исключения делаешь то, что хочешь сама. Давно пора!

Да, делаю – потому что я здесь. Если бы я осталась дома, то...

– С тобой не соскучишься, Ферн. Обещай мне, что в этот раз ты расслабишься и получишь удовольствие. Хватит возиться с Эйденем и тревожиться за всех нас. Мы можем сами о себе позаботиться – каждый в определенной степени. Ханна тебе не перезвонила, хотя обещала, потому что помогает Лиаму у него в квартире. Я сам ей только что звонил, и ей совсем не хотелось мне отвечать. Бедный, он не знает, во что влип. Наша сестренка – не сахар!

Я вздыхаю:

– Я так и думала, что она никак не простит мне отъезд во Францию. Она уже немаленькая, если ты не заметил. Пора обходиться с ней уважительно, – сурово наставляю я брата.

– Она продолжает витать в облаках. Она тоже будет скучать по Эйдену. А вообще, она всегда была здоровенной занозой у меня в... я хотел сказать, закладкой у меня в книге. С младшими всегда так.

Он, конечно, несправедлив к ней. Уверена, каждый случай неповторим, хотя в отношении Ханны он отчасти прав.

– Она возьмется за ум, – продолжает он. – Успокойся, она жива-здоровая. Знаю, ты там места себе не находишь.

Забавно, что мой суровый братец способен, оказывается, на сочувствие, тогда как у сестренки один способ справляться с темами, связанными с эмоциями, – отворачиваться от них.

– Спасибо, что ты такой внимательный, Оуэн. Думаю, одним из уроков предстоящего года будет для меня наука отходить в сторону и оставаться равнодушной. Но знай, ты всегда можешь на меня положиться.

Не хочу настаивать, потому что очень надеюсь, что моя помощь ему не понадобится – во всяком случае, экстренная. Мне нужна уверенность, что он не ошибся с карьерой, что проявит

благоразумие и не станет рисковать. Он всегда был позитивным парнем, а теперь наращивает это свое качество при помощи армии, укрепляет свою выносливость.

– Опять ты за свое! Всего два дня отсутствуешь – и уже волнуешься. Слушай, мне пора, тут еще двое в очереди, я их задерживаю. – Слышен смех. – Все, пока!

– Ступай, не обращай на меня внимания. Напиши или позвони, когда вернешься из Солсбери. Спасибо, Оуэн, я попробую последовать твоему совету. Люблю тебя. Береги себя!

– Обязательно. Пока, Ферн.

Щелчок.

Воздух вокруг меня становится легче и прозрачнее. Пускай младшая сестра мне грубит, главное, чтобы она была счастлива. Что до брата, то он всегда был моей главной опорой. Рано или поздно он найдет достойную его женщину, а пока его сбережет хорошая голова на плечах. Я все время забываю, что Ханне всего девятнадцать, она только на год старше Келли.

Оуэн в свои двадцать четыре года, конечно, гораздо более зрелый человек, чем она, хотя она еще не успела поучиться в университете. Мама с папой всегда рядом, всегда готовы всех нас выслушивать, но это как раз те вещи, которыми не хочется делиться с родителями из страха их взволновать. Что ж, по крайней мере, я получила от брата честный, непредвзятый совет.

Прежде чем спуститься к ужину, я успеваю посмотреть в интернете, что представляет собой добыча опалов в Австралии. Я уже заносу палец, но он почему-то набирает слово «принятие». Несколько часов оно не выходило у меня из головы. Я знаю его смысл, но не знаю, почему Сеана усмотрела в этом решение.

«В психологии принятие – признание человеком реальности той или иной ситуации».

Велика премудрость!

Я скольжу вниз по экрану. Синонимы: согласие, признание, одобрение. Антонимы: несогласие, отвержение, отрицание. Вот это отражает мои ощущения!

Я привыкла все держать под контролем; я все время управляю людьми и ситуациями дома и на работе. Откуда тут взяться принятию ситуации, с любой точки зрения не имеющей ни малейшего смысла? Эйден не может объяснить свои чувства. По мнению моей семьи и вообще всех наших знакомых, год врозь, не как семья, – это форменная нелепость. За это время мы еще больше отдалимся друг от друга.

Подступает головная боль, потому что этот внутренний диалог не прекращается ни на минуту, стоит мне остаться без дела.

Я печатаю в строке поиска «добыча опалов в Австралии» и начинаю читать. Первая же реакция: лучше бы я этого не делала.

7. Татуировка дракона

Многого я от вчерашнего вечера не ждала, но после волнующего общения с братом на меня хорошо действует большая группа людей. Ничто так не способствует сближению незнакомых людей, как совместный прием пищи в конце дня. Потом Нико принялся знакомить сидевших вокруг стола. Каждый должен был дать представление о себе одной короткой фразой.

Любопытно было наблюдать, как неважно у людей получается такого рода «самообобщение». Некоторым это давалось очень трудно, другие просили дать им дополнительное время. В итоге процесс затянулся.

Лично у меня затруднений не возникло.

– Мой муж и я, – сказала я, – взяли год на то, чтобы по отдельности разобраться в самих себе, прежде чем перейти к следующей стадии совместной жизни. Некоторые, допустим, вскинули брови, но тут же переключили внимание на следующего отвечающего.

Келли, сидевшая рядом со мной, сказала:

– Я нахожусь в поисках, сама не знаю, чего ищу, пока не найду.

Все оценили ее обнаженную искренность.

То, как описал себя Нико, тоже всех взволновало.

– Я – художник, бьющийся за контроль за своими творениями, но так, чтобы не убить свою непосредственность.

Потом мы неспешно пили кофе; некоторые отправились прогуляться, некоторые ушли к себе, в гостиной задержалась всего лишь небольшая группа. Келли осталась сидеть, и мне не захотелось оставлять ее одну, как бы ни подмывало уйти и пораньше завалиться спать.

Она спросила меня, трудно ли было разлучиться с семьей, и я почувствовала в ее вопросе непритворный интерес.

– Да, нелегко, – стала отвечать я. – Эйден, мой муж, отправился бродить по свету с рюкзаком. Ему всегда хотелось забраться куда подальше, а я, к несчастью, не летаю на самолете. Оуэн, мой брат, недавно записался в армию и сейчас проходит тренировку в учебном лагере новобранцев. Ханна, младшая сестра, в октябре поступила в университет Кардиффа. Она сняла дом с еще тремя сокурсницами, все они в свободное от учебы время подрабатывают. Так что мне было в самый раз предпринять то, что мне по душе. Больше всего мне сейчас хочется взяться за кисть.

Келли искренне удивилась:

– Наверное, вы с мужем очень друг другу доверяете. Мои родители живут как кошка с собакой, но ленятся что-то предпринять. Расставание – большая возня, хотя оставаться вместе... – Она задумывается. – Это тоже возня. Все вместе называется «жизнь».

– Несладко тебе приходится! Представляю, каково присутствовать при отношениях, дающих сбой. Даже когда люди ладят, это не каждому под силу.

– Вот именно, сущий ад! Когда они ссорятся, я пытаюсь отключиться: надеваю наушники, врубаю музыку. У меня двое братьев, но я младшая, дома остался жить только один.

На этом наш разговор прервался: кто-то предложил перекинуться в карты, и мы глазом не успели моргнуть, как оказались среди картежников.

Келли была не против, я тоже. Разбрелись уже после одиннадцати, и только тогда я вспомнила, что собиралась узнать про гитару. Решив, что музыка важна для Келли, я сделала себе мысленную заметку навести справки с утра.

Помню, как упала головой на подушку, как вздохнула – на этом воспоминания обрываются.

* * *

– Нико, прежде чем отправиться на прополку, позвольте у вас спросить: чья эта гитара в гостиной? Келли говорила, что любит музыку, возможно, она даже играет. Нет ли у кого-нибудь из наставников музыкального опыта?

Он удивленно смотрит на меня:

– Тейлор – хороший музыкант в жанре кантри. Я тоже немного поигрываю, но не настолько, чтобы кого-то учить. Спросите его сами, уверен, он не откажет.

– Отлично, так и сделаю, спасибо.

Мы улыбаемся друг другу на прощание, и я иду искать Сеану. Интересно, с кем выдастся трудиться сегодня? Во дворе я сразу замечаю ее.

Сегодня в моей бригаде четыре человека: двое вчерашних картежников, Келли и Патриция.

– Ферн – моя помощница, она вам все покажет, – говорит им Сеана. – Желаю удачно провести утро!

Ее слова вызывают у меня улыбку. Я получила повышение!

У Келли бравый вид, но Патриция стоит отдельно и явно нервничает. Я киваю Сеане.

– За мной! – говорю я своей четверке. – Одно ясно: утро выдалось что надо.

Двое мужчин шагают слева и справа от меня, Келли и Патриция плетутся следом. На ходу я непрерывно замечаю что-то для себя новое. Все переговариваются друг с другом.

– Красота! – радуется Куин, поймав мой взгляд.

– Эти холмы и горы вдаль – визитная карточка Прованса, – говорю я. – Знаю, многие туристы считают сердцем региона его городки, но для меня именно здесь каждый вдох полон аромата с лавандовых полей и из оливковых рощ.

– Это так вдохновляет! – поддерживает меня Патриция. – Природа – это подлинная душа Прованса.

Она права. Именно поэтому многие художники стремятся сюда, мечтают испытать здесь неповторимые ощущения. Свет, краски, разнообразие и контрасты природных красот! На повороте дороги, на горной прогулке виды меняются молниеносно, но от каждой новой картины неизменно захватывает дух.

Я улыбаюсь Патриции, радуясь, что она полностью пришла в себя.

– Куда ни глянь, всюду виды просятся на открытку. Но здесь, среди деревушек, где время как будто остановилось, вся суть – это семья, работа на земле и праздники. Здесь все подлинное!

Мы ненадолго останавливаемся, и я указываю на пейзаж впереди.

– Как не восхититься этой картиной! Жилье карабкается на отвесные склоны, отвергая всякую логику, дома лепятся к скалам. Издали кажется, что жить так опасно, но когда вы сами там окажетесь, вы посмотрите на это по-другому. Так строили, заботясь об обороне, а теперь это настоящая мечта фотографа!

Мы идем дальше, и я показываю на два амбара и на кузницу. В отдалении поблескивает озеро. Умолкнув, я слышу, как Патриция спрашивает Келли про ее татуировку с драконом.

– Это кельтский дракон, символ силы. Считалось, что у таких татуировок волшебное лечащее действие. Красный цвет – символ огня и страсти, крылья – символ кельтского узла, подразумевающего Троицу.

– Какая красота, Келли! – доносится до меня голос Патриции. Я тронута вкрадчивостью ее тона.

Татуировка покрывает у Келли почти всю правую руку, от плеча до кисти. Она носит на обеих руках широкие серебряные и черные браслеты. Патриция резко от нее отличается: она

выглядит традиционно, даже старомодно; услышав, что она спрашивает Келли про татуировку, я даже забеспокоилась, какой будет ее реакция. Татуировка оказалась сделана мастерски, и когда Патриция отдала ей должное, у меня отлегло от сердца.

– Так, – говорю я. – Берем под навесом садовые перчатки и тяпки. Вчера мы разделались с первой грядкой, осталось еще четыре. Работайте, как вам больше нравится: либо по одному, либо кучей.

Я раздаю тяпки и зову за собой мужчин, чтобы быстро показать им правила прополки. Оказывается, оба умеют отличать культурные растения от сорных, поэтому я почти сразу сворачиваю инструктаж.

Подойдя к Келли и Патриции, я замечаю, что они трудятся меньше чем в метре друг от друга, и радуюсь, что им нравится быть вместе.

– Я ненадолго отойду, скоро вернусь, – говорю я им.

Моя цель – найти Тейлора. Судя по звукам, доносящимся из-под одного из навесов, он демонстрирует там, как пользоваться цепной пилой.

Я присоединяюсь к троице, наблюдающей этот шумный процесс. Тейлор кромсает толстое бревно, начав с отделения коры, и вгрызается в древесину так легко, словно это растаявшее масло. Всего за пару минут он отпиливает от бревна добрых две трети, и остаток вдруг приобретает очертания головы животного. Он отпускает рукоятку: возвращается блаженная тишина. Мы восторженно хлопаем.

– Готово. Теперь вы поработаете стамесками над деревянными заготовками. Делайте что хотите. Сначала подумайте, какого результата хотите добиться, потом сосредоточьтесь на форме. Хотите сделать птичку – берите большую колоду, хотите выточить фигурку на токарном станке – начните с удлиненного куска.

Все разбредаются в поисках подходящих деревяшек. Тейлор вешает пилу на стену и подходит ко мне.

– Привет, Ферн, как поживаете?

Он вальяжен и дружелюбен, но из тех, кто разговаривает только тогда, когда к нему обращаются. Он высок ростом, с мускулистыми руками. Глядя на меня сверху вниз, он улыбается.

– Хорошо, спасибо. Впечатлена вашим мастерством.

– Все дело в практике, как и в любом деле. Я учился у своего отца.

– Отдаю должное вам обоим. Но я пришла попросить вас об услуге. Келли заметила в гостиной гитару и спрашивает, играет ли здесь на ней кто-нибудь. Я обратилась к Нико, он посоветовал поговорить с вами.

Тейлор запрокидывает голову и хохочет.

– Тренькаю помаленьку: кантри, вестерн... А что, малышка Келли – музыкант?

– Да. Думаю, она уже поигрывает, но ей не помешает помощь.

Он почесывает подбородок, раздумывая. Я стараюсь не смотреть на длинный, от правой брови до мочки уха, шрам у него на лице. Это старая рана, оставшаяся по какой-то причине без должного лечения. Набухший шрам придает его красивому лицу суровости.

– Я не умею учить музыке, но не против попробовать. Я возьму мою гитару, Келли – гитару Нико, почему бы нет? Хоть сегодня вечером.

Я признательно киваю.

– Спасибо, Тейлор. Знаю, Келли это оценит.

– Я обратил внимание, что слова некоторых песенок часто имеют больше смысла, чем человеческая болтовня.

Я приподнимаю бровь:

– Не стану с этим спорить. Продолжайте ваше занятие, я подойду к вам за обедом.

– Увидимся, мэ.

Для такого молодого человека он весьма обходителен. Он умен и даже обворожителен – в провинциальном американском стиле. Уверена, Келли такой учитель понравится, он наверняка много где побывал и многое повидал.

Я выхожу из-под навеса, ветер треплет мне волосы, и я останавливаюсь, чтобы собраться с мыслями. Такой будет моя жизнь весь предстоящий год, если мне не надоест и я не решу двинуться дальше. Новизна уже становится привычной, я начинаю чувствовать себя старожилкой.

Зная, что гости приезжают сюда всего на неделю, я понимаю, что не должна ни с кем сходиться. Просто Келли напомнила мне Ханну, тоже старающуюся показать, что способна жить самостоятельно. С другой стороны, всем нам необходимы другие люди, иначе есть риск самоизоляции и ухода в себя. Боюсь, Келли в какой-то момент выбрала второе, и моя цель в эту неделю – помочь ей опомниться, не показывая, что я слежу, как у нее протекает этот процесс.

– Ну, как дела, Келли? Как быстро вы с Патрицей работаете! – Я люблю чистенькими, избавленными от сорняков грядками.

– Это легко, главное – понять систему. А запах какой! – Она весело морщит нос. Воздух пропитан ароматами мяты и тимьяна, ее тяпка работает без остановки, рыхля верхний слой почвы.

– Как насчет урока гитары с Тейлором сегодня вечером? Он любит музыку кантри и не прочь с тобой поиграть. У него своя гитара, ты сможешь взять гитару Нико – ту, что висит в гостиной.

Она перестает полоть и выпрямляется.

– Серьезно? Вот здорово! Спасибо, Ферн, я перед вами в долгу.

Я смотрю на красного дракона у нее на руке, она перехватывает мой взгляд.

– Его зовут Лаок.

– Это по-гэльски. Что это значит?

– Воин.

– Мне нравится! Очень мастерски нарисовано. Просто, но выразительно.

Она кивает, глядя на свою наколку, потом поднимает голову и смотрит на меня решительным взглядом.

– Я преодолею любые трудности, – твердо говорит она. – Всегда и везде! Раньше я сомневалась, но это в прошлом.

Я кладу руку ей на плечо и легонько его стискиваю. Понимаю, некоторыми секретами нелегко делиться.

– Я передам Тейлору, что сегодня после ужина ты будешь готова к занятию. Думаю, вам обоим понравится. Это лучше карт.

Эти мои слова вызывают у нее улыбку.

– Да, карты – скучноватое занятие.

Я прикусываю губу, она смеется. Веселиться она начинает с полоборота, иногда без причины. Всего за одни сутки с ней произошла заметная перемена, как будто с плеч свалилась тяжесть.

– Возьму-ка я тяпку и присоединюсь к вам. Солнце способствует расцвету сорняков!

8. День открытий

Мы сидим впятером перед мольбертами и напряженно смотрим на Нико, который странно рассказывает о технике живописи и секретах нанесения мазков. К стене прислонено несколько полотен. Договорив, Нико вешает их на крючки, вбитые в грубую каменную стену у него за спиной. Буйство красок особенно потрясает на фоне беленой стены. Все картины – пейзажи, но в самых разных стилях.

– Вот этот написан профессиональным художником, моим другом, за чьи работы платят десятки тысяч фунтов. На счастье, я купил его в самом начале его карьеры, когда ему еще не хватало денег на краски и он даже был готов бросить живопись. Остальные картины написаны людьми, сидевшими раньше на ваших местах, некоторые впервые взяли за кисть.

Все мы были под сильным впечатлением от услышанного. Интерес представляет каждое полотно. Два написаны в традиционном стиле: они хороши, но у себя дома я бы их не повесила. Другие хороши потому, что оригинальны: заставляют думать.

– Я говорю о том, – продолжает Нико с жаром, – что в искусстве не бывает правильного и неправильного. Существует только то, что видит сам художник. Если вы это усвоите, то с кончиков ваших пальцев будет сходить содержимое вашей души. Не надо – и нельзя – заботиться о том, что увидит зритель.

Роль живописца – выразить свою внутреннюю сущность. Это как при чтении книги: только перейдя на точку зрения автора, читатель ее оценит и поймет. Так и в живописи: одни вас поймут, другие нет. Некоторые художники сочтут непонимание своей неудачей. Однако есть школа мысли, считающая боль неизбежностью, если из нее произрастает великое искусство. В некоторых случаях так оно и есть: большой талант – это великое бремя, причем это верно не только в отношении данной формы самовыражения. Возьмите Курта Кобейна или Джона Белуши²: оба были по-своему талантливы, неповторимы – и глубоко тревожны...

Он с улыбкой смотрит на всех нас по очереди. Я невольно задерживаю дыхание, пораженная силой чувства, присутствующего в его словах.

– Не хочу, чтобы, берясь за кисть, вы испытывали колебания. Поймите глубокое чувство уникальности в себе и исходите из него. Вы никуда не денетесь от страха: «Достаточно ли я хорош? Что подумают о моей работе окружающие?» Это естественная реакция, но она вас тормозит. Если вы дадите ей волю, она помешает вашей способности творить.

Обратите внимание, ваши мольберты стоят так, чтобы ни один из вас не видел, как работает ваш сосед. Если после этого занятия вам не захочется поделиться своей работой с остальными – пожалуйста, никто не заставляет. Вы сможете снять лист и унести его к себе в комнату.

Некоторые из вас раньше не держали в руках кисть и сейчас поймут, что краски – это не ваше. Тем не менее прошу: доверьтесь мне. Не думайте о том, что делаете, просто делайте. Сегодня у нас акриловые краски и тяжелая бумага. Она растворяется в воде. Тонкий слой грунтовки обеспечит наилучший результат, на ее высыхание уходит десять минут.

Нико подходит к ближайшему мольберту и берет с него баночку.

– Это не дает бумаге коробиться от влаги, содержащейся в краске, и делает поверхность более гладкой. Если вам нужна более шероховатая поверхность, обойдитесь без грунтовки. Хотите начать сначала – на столе в углу полно бумаги. Но не торопитесь отказаться от начатой работы. А главное, получайте удовольствие, друзья!

Мне не терпится начать, и хотя мне спокойнее работать карандашом, блюдо с фруктами настолько сочное и красочное, что я обязательно попробую его изобразить.

² Курт Кобейн – американский рок-музыкант, вокалист. Джон Адам Белуши – американский комедийный актер, сценарист, певец.

Я смотрю на других начинающих живописцев. Стоит Нико отвернуться к стене, чтобы снять с крючков картины, один из них встречается со мной глазами. Он с гримасой хватается кисть и держит ее крайне неуклюже. Я прыскаю. Лиха беда начало!

* * *

День развивается разнообразно – интересно, маняще, с пользой. И неожиданно. Разнообразные эмоции и новый опыт обрушиваются на меня со всех сторон. Под напором новизны мои проблемы испуганно забились в угол, теперь для меня гораздо важнее происходящее вокруг. И это – наибольшая неожиданность.

Вечером я знакомлю Келли с Тейлором и провожаю их взглядом, пока они уходят с гитарами во двор: искать спокойное местечко. Патриция пока еще не расслабилась и ни с кем не общается, если к ней не обращаются, поэтому я провожу большую часть вечера с ней. Она оказывается неплохой шахматисткой, хоть и подолгу вспоминает, как ходит та или иная фигура, и мы весело играем несколько партий.

Потом, уже в своей комнате, я широко распахиваю окно и выглядываю из него, не понимая, что уже очень поздно. Что меня так взбудоражило? Я оглядываюсь на холст, который принесла сюда днем.

Глядя на ярко-зеленый лес, изображенный на картине на стене, я сравниваю его со своей работой. Когда я впервые сюда вошла, картина приковала мой взгляд. С тех пор она не перестает заставлять меня врасплох. Я внимательна к деталям, но смелые мазки нанесены так размашисто, так вдохновенно, что дух захватывает.

Переводя взгляд на свое произведение, я испытываю шок. Я собиралась написать совсем другое. Картина вышла красочной, но мрачноватой. Я хватаю с кровати подушку, кладу ее на шезлонг, ставлю шезлонг к стене и приподнимаю. Свой лист я приставляю к этой кривой поверхности так, чтобы он не съезжал. Потом отворачиваюсь и отхожу, боясь оглянуться. Зато когда оглядываюсь, увиденное наполняет меня восторгом. Вблизи я различаю комки краски, а издали вижу блюдо с фруктами. Я счастлива, потрясена, горда собой.

Непонятный звук снаружи заставляет меня подойти к окну и взглянуть во тьму. Рядом с одним из садовых столиков я вижу какой-то упавший предмет. Вдруг это человек?

Я тихонько спускаюсь вниз, припоминая, какая из половиц скрипит громче всего, и стараясь на нее не ступить. Сначала надо разобраться, что происходит. Если окажется, что это подозрительный чужак, то я подниму крик.

Входная дверь заперта, поэтому я прохожу через кухню. Задняя дверь распахнута. Выйдя на крыльцо, я слышу громкий стон, но лежащий на земле человек не шевелится. Подойдя ближе, я вижу, что это Нико, и наклоняюсь к нему.

– Что случилось, Нико? Это я, Ферн. Вы можете встать?

Он не сразу открывает глаза.

– А, Ферн... Я оступился.

От него так разит спиртным, что я шарахаюсь.

– Вам надо встать, Нико. Давайте я отведу вас в дом.

Он приподнимает голову, я закидываю его левую руку себе на плечи и кое-как помогаю ему встать. Задача не из легких: проходит несколько минут, прежде чем он выпрямляется. При этом он так на меня напирает, что мне стоит огромного труда затолкать его внутрь дома.

– Эта ночь создана для порицания, – невнятно произносит он.

– Главное, ставьте одну ногу за другой. Не уверена, что смогу долго вас поддерживать, Нико. Мне нужна ваша помощь.

Нам обоим ежесекундно грозит падение, но я, скрежеща зубами, не сдаюсь. Оказавшись внутри, я не знаю, как быть дальше.

– Где ваша комната, Нико?

Он что-то бурчит и пытается показать рукой направление, но от этого усилия клонится вбок, вследствие чего мы с шумом врезаемся в стену. Я замираю, ожидая непрошенных звуков, но слышу только тишину, не считая хриплого пьяного дыхания Нико. Он меняет положение, я толчком ставлю его прямо.

– Шагайте, Нико, шагайте! Вы должны мне помогать, вы слишком тяжелый, не хочу, чтобы вы снова рухнули.

Он немного оживает:

– *Mi hermosa*, Ферн. Вы – мой прекрасный ангел.

Я цыкаю на него, удивленная тем, что он заговорил на испанском и начал с комплимента мне.

– Тише, Нико. Все спят. Ну-ка, прислонитесь к стене, а я открою дверь.

– Меня покинула моя муза. А теперь здесь вы. Она предупредила, что вы меня спасете.

– Сказано вам, тише! Уймись, Нико, умоляю!

Я надеюсь, что он не сползет на пол, потому что если сползет, то мне придется идти за подмогой. Но он, к счастью, помогает себе глубоким вдохом и с моей помощью вваливается в открывшуюся дверь. Я вхожу следом за ним.

Он добирается до кровати и валится на нее ничком. Оставить его в таком состоянии я не могу. Присев рядом на корточки, я разужаю его. Он почти сразу принимается негромко храпеть. Я близка к панике. Не могу же я всю ночь его сторожить! Я пытаюсь перевернуть его на бок и добиваюсь цели после нескольких минут возни и борьбы.

Чтобы зафиксировать его в этом положении, я подпираю его одной подушкой со спины, другой спереди. Он слишком пьян, чтобы себя контролировать. Я колеблюсь, не зная, как быть дальше. Потом вспоминаю рекомендуемую позу из курсов первой помощи и сгибаю ему одну ногу. Теперь он в относительной безопасности. Пусть выспится и немного протрезвеет. Поднимаясь к себе, я надеюсь на лучшее.

Моя отчасти просохшая картина упала и свернулась. Я пытаюсь ее расправить, но половинки слиплись. Выясняется, что спасательная операция запоздала. По какой-то глупой причине я близка к слезам.

* * *

Нико не пришел на завтрак, и я не знаю, как поступить. Пойти проверить его у него в комнате я стесняюсь, остается искать Сеану.

– Вы видели сегодня утром Нико? – спрашиваю я ее как ни в чем не бывало.

– Да, мельком. Если вам что-то нужно, то, боюсь, придется подождать. Он погнал грузовик в мастерскую, ставить новую выхлопную трубу. Обратного его подбросят, но только через час. Этим утром я проведу урок вместо него.

– Никаких проблем, это несрочно.

По выражению ее лица не понять, знает ли она, в каком состоянии Нико провел истекшую ночь, – скорее не знает. Я колеблюсь, стоит ли об этом говорить, наверное, это будет не деликатно, хотя что-то мне подсказывает, что Сеана заботится о Нико – не как о своем начальнике, а потому что хорошо его знает.

– Как прошел вчера ваш первый урок у него? – интересуется она.

Я изображаю веселую улыбку.

– Это что-то удивительное! – С этими словами я ухожу.

Этим утром я испытываю смешанные чувства. Одно дело – тяга к творчеству, и совсем другое – пугающая возможность наконец-то реализовать свою мечту. Я давно смирилась с тем, что ждать такую возможность придется очень долго. Я привыкла воображать себя в поле, среди

цветов, сидящей за мольбертом. Сбыться моей мечте помог не только выигрыш в лотерее. Ирония в том, что этого не произошло бы, если бы не Эйден. Вчерашнее занятие извлекло на поверхность желание, от которого я так долго отнекивалась... Теперь я вся на нервах: вдруг я обделена истинным талантом?

– Вижу, вы задумались. – По дороге к садовому навесу меня нагоняет Патриция.

– Доброе утро, Патриция. Как спалось?

– Хорошо, спасибо. Давно мне не удавалось так выспаться. Вы видели Келли? Она сегодня утром тоже в хорошем настроении. Полагаю, вчера она удачно позанималась с Тейлором.

– Как я рада! Это большое облегчение. По словам Сеаны, в таких заведениях, как это, людей по многим причинам влечет друг к другу. Любовь к музыке – отличный повод. Остается надеяться, что рано или поздно они для нас сыграют.

Патриция складывает губы трубочкой:

– Жду не дождусь!

Для меня по-прежнему загадка, что именно сможет приобрести от недели пребывания здесь Патриция. Пока что она не общается ни с кем, кроме меня, разве что нежно носит с Келли.

– Что у вас в плане на сегодня? – интересуюсь я.

– Думаю примкнуть днем к группе Сеаны. Она будет показывать, как обрезать побеги. Мне это полезно, хотя садик у меня почти сплошь трава, грядок всего две. Деревьев ни одного, зато парочка вьющихся растений и большая коллекция розовых кустов. За розы я даже брала призы.

Мне почему-то кажется, что ей не удастся расслабиться и насладиться происходящим. Меня это печалит. Участию она предпочитает наблюдение со стороны.

– Я обратила внимание, что на урок гончарного искусства Одиль сегодня днем никто не записался. Если бы не желание рисовать, я бы туда сходила, хотя сегодня только мой второй день, и я не хочу, чтобы Нико решил, что я сразу сдалась.

Она понимает мой намек.

– Надо же, я и не заметила. Сходить туда, что ли?

– Потолкуйте с ней за обедом, узнайте, что будет на первом уроке.

– Спасибо, я так и сделаю.

Вскоре к нам присоединяется Келли и еще трое. В это утро Сеана ведет нас на прополку огорода. Грядкам с овощами не видно конца, уже тепло, работа обещает быть жаркой.

Вокруг нас жужжат пчелы, распевают птицы; лето – полное забот время для всех крохотных созданий.

– Нелишне напомнить о необходимости частых перерывов в тени, – говорит Сеана. – Я принесу с кухни ящик со льдом и бутылками воды, чтобы они все время были у вас под рукой.

У всех полющих веселое настроение, они уже переговариваются между собой. Думаю, дело в появлении двух новых лиц. Чтобы все начали общаться, хватает одного балагура, создающего атмосферу товарищества. Я еще не беседовала с Джоном, но, как я погляжу, у него врожденное чувство юмора. Я радуюсь, слыша смех.

Когда я возвращаюсь на кухню, у меня звонит телефон. Я пытаюсь понять, кто звонит, но на таком солнце трудно что-то разглядеть на экране.

– Алло!

– Это я, Ферн. Боже, как же хорошо слышать твой голос!

Я останавливаюсь, в животе опять резь.

– Эйден! Я тоже рада, милый.

– Мы в городе, запасаемся всем необходимым. Наконец-то приличная связь. Я просто хотел... Я не перестаю думать о тебе.

Он очень далеко, в тысячах миль от меня. Даже не зная толком, что сказать мне, он решил позвонить.

– Я беспокоюсь... – Зря я это сказала.

– Все в порядке. Даже удивительно, как тут весело! У меня на глазах люди сходят с ума, стоит только найти переливающийся кусочек породы...

Начало вышло не очень, но он быстро нащупал тему для разговора.

– С тобой все еще те люди? Это хоть не подземная выработка? – Опять я дала маху.

– Нет. Мне доверили бульдозер, я обнажаю его отвалом породу на склоне. Мы уже наткнулись на первую жилу.

Я облегченно закрываю глаза. Хорошо хоть то, что он не лезет в грозящий обвалом подземный забой.

Он сказал «мы».

– Судя по твоему голосу, тебе все нравится. Есть планы податься куда-нибудь еще?

– Пока что не знаю, детка. Сейчас мне пора бежать. Просто хотел убедиться, что ты в порядке. Как прошел твой первый урок живописи?

– Зажигательно! Здесь тоже весело. – Мне очень хочется звучать жизнерадостно и ни в коем случае его не осуждать. Только бы не оттолкнуть его своей озабоченностью! – Здесь все чудесно устроено, в первой группе очень дружелюбные гости.

– Как там дома, все здоровы?

Выходит, он ни с кем еще не связывался.

– Да. Мама и папа в порядке. Мама делится со мной по электронке всякими сплетнями, ну, ты ее знаешь. Они переделывают свой сад, работы полно, хотя и старый вариант был неплох. Зато они нашли себе занятие. Звонил Оуэн, он разговаривал с Ханной и говорит, что у нее все нормально.

– Как я погляжу, она нас еще не простила.

– Да, не до конца.

НАС? ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭТОТ НЕСЕШЬ ТЫ, ЭЙДЕН, А НЕ Я.

– Сам-то ты как? Здоров? В безопасности? – Опять я за свое! Никак не спрячу свою тревогу, он сразу поймет это по моему тону.

– Все отлично. Пришли мне фотографии, я тоже пришлю тебе свои. Жаль, скоро уедет мой лифт и связь прервется.

– Обязательно пришлю, обещаю. Люблю тебя.

Я слышу еще какие-то голоса, его слов уже не разобрать. Женский голос зовет его по имени.

– И я тебя...

Связь прерывается. Я тяжело вздыхаю. Когда у тебя кризис, тебя на каждом углу подстерегает соблазн. Знаю, Эйден спал с кем-то до меня, но у меня он первый и единственный.

Только услышав голос Нико, я спохватываюсь, что он подходит ко мне.

– Проблемы? – озабоченно спрашивает он и изучает мое лицо.

Я силюсь превратить свой встревоженный вид в улыбку, но получается из рук вон плохо.

– Нет, просто семейный разговор. Разные часовые пояса, это мешает.

Он сочувственно смотрит на меня.

– Я пришел попросить прощения за вчерашний вечер. Если я что-то натворил, то...

– Все хорошо, не надо ничего объяснять. Я просто была рада помочь.

Он смущенно и рассеянно роет носком кроссовки дерн.

– Вчера была годовщина смерти моего отца. Похоже, даже лежа в могиле, он не дает мне покоя. Не надо, конечно, слишком часто оглядываться в прошлое, но оно умеет застигать врасплох. Я ценю ваше благоразумие, Ферн, очень ценю.

Сказав это, он разворачивается и уходит решительным шагом в направлении студии живописи.

9. Чужая душа – потемки

Обед проходит в молчании. Марго приготовила для всех коробочки с ланчем и убежала. Похоже, она не вернется до вечера, потому что вчера отработала полный день. Жаль, я не попала на ее урок по приготовлению круассанов, хотя те, кто на нем присутствовал, сказали, что у нее все получается удивительно легко. На следующей неделе постараюсь не пропустить.

– Не возражаете, если я к вам подсяду?

Я поднимаю голову и шурюсь. Из-за солнца над головой Келли сияет нимб. Я с улыбкой киваю.

– Конечно. Я вышла прочесть длинное письмо и отправить мужу фотографии. Все, готово. Мать держит меня в курсе всех последних домашних новостей, ни одной не пропускает. – Я не скрываю, что это меня забавляет. – Мать есть мать, я очень ее люблю.

– Наверное, вы по всем им скучаете. Приезд сюда должен быть для вас большой переменной в жизни.

Я сажусь поудобнее, так, чтобы в спину не впивалась жесткая кора дерева.

– Да, но иногда бывает полезно покинуть свою зону комфорта. Начинаешь иначе воспринимать жизнь. Вижу, ты не пошла ловить рыбу? Там, у озера, наверное, прохладно, живительная тень...

Келли опускается рядом со мной и испытующе на меня смотрит.

– Я не против половить рыбку, но подцепить живое существо на крючок – это жестокость. Неплохо, конечно, поесть вечером рыбки, приготовленной Марго, а так я щепетильная. Если не перестану думать о том, откуда берется моя пища, то, пожалуй, сяду на одни чипсы. Я уже через это проходила пару лет назад, мне не понравилось.

– Ты через это прошла – это главное. Я согласна, но с пищевой цепочкой ничего не поделаешь, без еды нет жизни. Ненавижу расточительство, но у меня нет проблем с рационом.

Мы обе умолкаем. Я убираю обертку от ланча, закрываю крышку пластмассовой коробки. Келли кусает яблоко, любуясь, как и я, садом.

Истинное блаженство! Дома либо слишком мокро, либо слишком холодно, либо слишком жарко. Здесь даже в жару находишь спасительную тень – и она тебя врачует. Внутри тепло, настроение зашкаливает. Воздух благоухает, добавляя восторга. Не знаю, почему так: то ли вспоминаются другие отпуска, то ли таково очарование Прованса. Наверное, у любого есть неповторимое место, где ему особенно хорошо, и для меня это Прованс.

– Можно попросить у вас совета, Ферн?

– Сколько угодно, только помни, что это будет всего-навсего мое мнение.

– Думаю, я не прочь продлить свое пребывание здесь, если Нико позволит. Мои родители смогут платить, им будет только легче, если я не буду мозолить им глаза еще неделю или две. Мне нравится работа в саду, и Тейлор хорош. Он считает, что я хорошо играю, и очень терпелив.

– Как я погляжу, ты уже приняла решение. Уверена, Нико согласится, только тебе придется сменить комнату. Тебя что-то смущает?

– Хотела спросить: вы здесь надолго? Знаю, Патриция уезжает в пятницу, и вы – единственная, кроме Тейлора, с кем я успела поладить. С другой стороны, вы же преподаватель?

Как трогательно это слышать!

– Да, я поселилась здесь надолго.

– Вы сказали, что ваш муж сейчас путешествует. Вдруг он соскучится по вам и прилетит в Британию раньше времени? Вы тоже можете заскучать по дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.